

М. ГЕЛЛЕР

ВЕХИ

ОЧЕРК СОВЕТСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ОПІ

Mikhail Heller

**SEVENTY YEARS
OF
THE SOVIET UNION:
THE LANDMARKS**

An essay on political history of the USSR

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1987**

Михаил Геллер

ВЕХИ 70-ЛЕТИЯ

Очерк советской политической истории

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1987**

**Mikhail Heller: SEVENTY YEARS OF THE SOVIET UNION:
THE LANDMARKS.**

An essay on political history of the USSR

First Russian edition published in 1987
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

Copyright © Mikhail Heller, 1987

Copyright © Russian edition

Overseas Publications Interchange Ltd, 1987

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN 1 870128 20 6

Cover design by Danuta Niekrasow-Heller

Printed in West Germany

ОТ АВТОРА

Среди множества знаменательных дат, важных событий, памятных фактов, которые будут представлены советским гражданам в дни 70—летия советской власти, бесспорны, не подвергаются дискуссии только две даты, два события и факта. 25 октября (7 ноября) 1917 г. и 11 марта 1985 г.: день октябрьского переворота и день избрания М. С. Горбачева генеральным секретарем ЦК.

В юбилейный год советская история была представлена советскими историками как неудержимый путь к социализму, разделенный на пять периодов: ленинский, когда все шло хорошо и правильно; культа личности, волюнтаризма, застоя (эти три периода длились, примерно, 60 лет), когда совершались ошибки, нарушались ленинские указания; перестройки, когда все снова (как при Ленине) вернулось на правильный путь неуклонного движения вперед.

Эта схема вызывает понятное сомнение у многих советских граждан (в том числе у некоторых историков), в

связи с чем в год юбилея стали раздаваться голоса, призывающие историков "писать правду".

Странное требование заставляет задуматься. Что значит "правда истории"? В 20-е годы Виктор Шкловский писал: нет правды о цветах, есть наука ботаника. Перефразируя Шкловского, можно сказать: нет "правды" о прошлом, есть наука история. Когда советские историки призывают сегодня "писать правду", они имеют в виду — отказ от заведомой, беззастенчивой лжи, которая на протяжении многих десятков лет была основным инструментом их работы. Ибо, если нет правды о прошлом, то есть очевидная ложь о прошлом. Она выражается в бесстыдном искажении фактов, в фальсификации событий, вычеркивании как не бывших исторических персонажей и происшествий.

Разговоры о необходимости "правды в истории" особенно удивительны, ибо возникают на протяжении минувшего 70-летия периодически. Четверть века назад — в 1962 г. — на всесоюзном совещании историков советские исследователи прошлого горько каялись в том, что, в страхе перед Сталиным, лгали, лгали и лгали. Они клялись отныне писать правду и только правду. 25 лет спустя, один из виднейших специалистов по советской истории, обнаруживает вдруг, что в большинстве учебников по истории "нельзя найти имен даже всех председателей Совета народных комиссаров и Совета министров СССР, хотя на протяжении минувших 70-лет их было только 10".

Это, конечно, только пример. В советских учебниках по истории нельзя найти подлинных фактов даже о событии, казалось бы с точки зрения советских историков абсолютно положительном — об Октябрьском перевороте. Фальсифицируется история коллективизации, "великого перелома", который был одним из самых страшных геноцидов XX века. Цифры жертв коллективизации никогда не были названы. Как не названы подлинные цифры жертв войны с Германией: круглая цифра "20 миллионов жертв" носит магический характер и не подтверждена документацией. До сих пор советские историки молчат о секретных договорах, заключенных в 1939 г. с гитлеровской Герма-

нией, скрывая тем самым важнейшее обстоятельство, связанное с началом второй мировой войны.

Трудность положения советских историков, говорящих о необходимости с "сегодняшнего дня" писать "правду" и отлично знающих, что это невозможно, вызвана тем, что невозможно извлечь из исторического потока нужную дольку и этим ограничиться. Признание, что в 1921 г. был сфальсифицирован процесс так наз. Петербургской боевой организации, закончившийся многочисленными смертными приговорами, в том числе реабилитированному ныне Николаю Гумилеву, заставит признать фальсификацию Шахтинского процесса 1928 г., "Промпартии" 1930 г., "больших процессов" второй половины 30-х гг., бесчисленных закрытых судилищ. Возникнет проблема оценки деятельности "органов". Подлинные факты о спровоцированной войне с Финляндией в 1940 г. вынудили бы начать серьезный разговор о советской внешней политике. Во всяком случае помешали бы советским историкам утверждать, с полным пренебрежением к правде, что в 1940 г. в прибалтийских республиках произошла революция, которая привела их в "союз нерушимый" советских республик.

В короткой брошюре, в "очень сжатом очерке" советской политической истории нет возможности даже перечислить основные факты, пропущенные, искаженные, сфальсифицированные советскими историками. Нет возможности назвать имена даже важнейших деятелей минувших 70 лет. "Очень сжатый очерк" предлагает эскиз "альтернативной истории". Борис Пастернак сказал: история не в том, что мы носили, а в том, что нас пускали нагишом. То, что мы носили — это тоже история. О ней кое-что пишут советские летописцы. Они отказываются говорить о том, что "нас пускали нагишом". Советская концепция советской истории: рождение, рост, созревание могучего государства, которое они называют "первым социалистическим государством". Все остальное представляется как издержки процесса создания государственной мощи.

Есть и другая история: Это история партии, захватившей власть в стране и строившей тоталитарное государство. В 1921 г. Сталин видит "компартию, как своего рода орден

меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность”. Сталин впервые опубликовал текст, в котором сравнил компартию с орденом псов-рыцарей, в 1946 г., (том 5, стр. 71), ибо считал свою формулу по-прежнему актуальной. Мы находим ее и в действующей конституции СССР, хотя, естественно, о меченосцах статья 6, посвященная месту и роли партии в Советском Союзе, не говорит.

1. ВРЕМЯ ЛЕНИНА

Советские историки по сей день не могут согласиться относительно периодизации послеоктябрьской истории. В этой брошюре принята наиболее очевидная, самая общая периодизация: 70-минувших лет делятся на периоды "правления" очередных руководителей партии. Несмотря на очередные различия между периодами, скажем между 20-ми и 40-ми годами, между 30-ми и 80-ми, система власти остается неизменной. Не меняются методы решения возникающих проблем, постоянными остаются инструменты власти. Основной арсенал методов, способов, инструментов был создан при Ленине, по его инициативе, под его непосредственным руководством. Ленин разработал две главных советских политики: "старую" и "новую".

"Время Ленина", период от захвата власти до смерти вождя, складывается из трех главных событий: Октябрьский переворот; гражданская война; первые мирные годы.

В первые годы после Октября, когда большевики еще не стеснялись правды о себе, события в Петрограде в ночь

с 25 на 26 октября (по старому стилю) называли переворотом. Слово революция употреблялось гораздо реже. Ибо по сравнению с событиями февраля того же 1917 г. октябрьские события были переворотом, который следовало бы называть контр-революцией. Большевики захватили власть в России, свергнув демократическую республику, родившуюся после свержения царизма в феврале 1917 г.

Революция в России — детище первой мировой войны. Война, которую никто не хотел, которая после четырех десятилетий мира в Европе казалась невозможной, но которая стала неизбежной в результате политики европейских держав, изменила характер XX века. После чудовищной бойни, жертвами которой пали миллионы граждан просвещеннейших стран мира, стало возможным все. Как показала дальнейшая история века, страшные возможности были полностью реализованы. В числе главных последствий войны была революция в России, октябрьский переворот, создание государства нового типа.

Накануне первой мировой войны Россия переживала эпоху бурного экономического развития, это было время реформ государственной системы, первые полтора десятилетия нового столетия называют "серебряным веком" русской культуры. Французский экономист Эдмон Тэри, посетивший Россию в мае 1913 г., пришел к заключению, что если европейские страны будут развиваться между 1912—1950 гг. так же, как они развивались между 1900—1912 гг., то "к середине нынешнего столетия Россия будет доминировать в Европе, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении". Эдмон Тэри анализирует три фактора экономического порядка, определяющие, по его мнению, рост государственной мощи: 1) рост населения; 2) увеличение промышленной и сельскохозяйственной продукции; 3) средства,лагаемые в народное образование и национальную оборону. Первый фактор выражается следующими цифрами 1900 г. — 135.600 тыс. жителей, 1912 г. — 171.100 тыс. Предположив, что население страны будет продолжать расти такими же темпами, французский экономист подсчитал, что в 1948 г.

в России будет проживать 343.900 тыс. человек. Не отставал и второй фактор: быстрыми темпами развивалась промышленность, росла железнодорожная сеть, особыми успехами могло гордиться сельское хозяйство. Приведя цифры роста производства зерновых в 1908—1912 гг., Э. Тэри констатировал: ” ... ни один народ в Европе не может похвастаться подобными результатами”.

Говоря о третьем факторе, экономист отмечает, что Россия была долгое время отсталой страной с точки зрения народного просвещения, но добилась значительных успехов в этой области в первое десятилетие века. Бюджет на народное просвещение возрос в 1908—12 — по сравнению с пятилетием 1898—1902 — на 156,2%, сравнительно на много больше, чем военный бюджет. В 1908 г. был принят закон о введении обязательного начального обучения, его осуществление было прервано революцией. Советской властью он был реализован только в 1930 г. В 1915 г. 51% всех детей в возрасте 8—11 лет получил начальное образование, 68% рекрутов, призванных на военную службу, умели читать и писать.

Государственная структура России менялась несравненно медленнее, чем структуры экономические, социальные, культурные. Узкий политический кафтан мешал развитию страны. Революция 1905 г., итог несчастной войны с Японией, вынудили царя согласиться на проведение государственных реформ. Россия становится, практически, конституционной монархией с представительным учреждением — Государственной Думой, с гарантированными свободами печати, собраний, союзов. Эти права, как и прерогативы Думы, были ограниченными по сравнению с положением в западных демократических странах, но представляли собой очень значительный шаг вперед по сравнению с дореформенным временем. В Думе были представлены самые различные политические партии — от сторонников неограниченного самодержавия до большевиков, но выборы в русский парламент были многоступенчатыми и цензовыми.

Важнейшей реформой был закон, подготовленный и про-

веденный председателем Совета министров Петром Столыпиным в 1906 г. Закон давал каждому крестьянину (главе каждой семьи) право закреплять в собственность приходящуюся на его долю часть общинной земли. К концу 1912 г. аграрная реформа охватила площадь размером в 22 млн. га. На этой территории насчитывалось более 1 млн. отдельных хозяйств. Эдмон Тэри предполагал, что понадобится еще 20 лет, чтобы в частные владения превратились 130 млн. га земли, переданной крестьянским общинам в 1861 г. Французский экономист считал в 1913 г., что "не осталось никаких сомнений в полном успехе реформы". Ее значение лаконично выразил Троцкий. Если бы реформа была завершена, писал он, русский пролетариат не смог бы прийти к власти в 1917 г.

Можно сказать, что после 1906 г. началась гонка между реформой и революцией. Наиболее характерная черта времени между 1905 и 1917 гг. — парадокс: Россия переживает эру бурного экономического развития, культурный расцвет, политическую эволюцию, какой не знала в своей истории, а между тем все слои населения недовольны режимом. Крестьяне не перестают мечтать о земле, твердо веря, что раздел помещичьих угодий позволит решить все проблемы. Рабочие, положение которых постепенно улучшается — они получили право на экономические забастовки (с некоторыми оговорками), страхование по болезни — требуют сокращения рабочего дня и повышения жизненного уровня. Молодая русская буржуазия добивается расширения политических прав и места в аппарате управления страной. Русская интеллигенция мечтает о революции, которая принесет свободу. В оппозиции к власти находятся все нерусские народы. Особенно остро проявляют свое недовольство поляки, финны, евреи.

В России накануне войны подтвердилось наблюдение, сделанное французским историком Токвиллем в связи с Французской революцией: самый опасный момент для плохого правительства — это время, когда оно приступает к реформам. Очень часто, — писал Токвилль, — народ, кото-

рый безропотно выносит наиболее суровые законы, силой сбрасывает их, когда они легчают.

Всеобщее недовольство в России усиливается тысячекратно в годы войны. Война напрягла до предела все силы страны, подвергла Россию экзамену, которого политическая структура не сдала. Убежденный монархист Василий Шульгин, член Думы и один из талантливейших хроникеров революции, писал: "Не может же в самом деле совершенно рамольный Горемыкин быть главой правительства во время мировой войны..." А после того, как Николай II заменил Горемыкина Штюмером Шульгин продолжал: "Дело в том, что Штюмер маленький, ничтожный человек, а Россия ведет мировую войну. Дело в том, что все державы мобилизовали свои лучшие силы, а у нас "святочный дед" премьером..."

Неудачи на фронте, бесчисленные жертвы, усталость в тылу, рост цен, миф Распутина, околдовавшего царскую семью, питают недовольство, рождают желание перемен. Перемен хотят все, но никто не знает что делать. Группа депутатов Думы во главе с А. Гучковым, монархистом, лидером умеренных либералов, дискутирует о заговоре, цель которого свержение Николая II для сохранения династии. Подготовка к заговору не идет дальше разговоров. Лидеры революционных партий считают, что ситуация еще не созрела для переворота. В начале января 1917 г. один из лидеров меньшевиков Н. Чхеидзе категорически заявляет: "В настоящее время нет никаких надежд на удачную революцию". Руководитель Русского бюро большевиков А. Шляпников констатирует тогда же: "Все политические группы и организации были против выступления в ближайшие месяцы 1917 г.". В очень мрачных красках видел будущее из Цюриха Ленин. В январе 1917 г. он признавался швейцарцам: "Мы, старое поколение, не увидим будущей революции".

Перебои с доставкой черного хлеба в Петроград вызывают, неожиданно для всех, волнения. Вскоре на сторону демонстрантов начинают переходить солдаты. К полудню 27 февраля к демонстрантам присоединилось около 25 тыс.

солдат, что составляло немногим более 5% войск и полиции, сконцентрированных в Петрограде и окрестностях. Этого оказалось достаточным для превращения беспорядков в революцию.

Без руководства, стихийно, революционное движение в столице росло не потому, что было сильным (профессиональным революционерам оно казалось слабым, обреченным на провал), а потому, что противник, царский строй был слаб. "Дело было в том, что во всем огромном городе, — объясняет Шульгин, — нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти".

27 февраля Дума, по требованию 30 тыс. солдат, явившихся искать власть, создает Временный комитет "для восстановления правительственного и общественного порядка". За несколько часов до этого организуется Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

В то время, как в Петрограде возникают сразу две власти, император, направляющийся в столицу из ставки Главковерха в Могилеве, задерживается восставшими солдатами на станции Дно. После того, как начальник штаба Ставки генерал Алексеев, поддержанный командующими всех пяти фронтов, заявляет, что только отречение царя позволит продолжать войну, Николай II отрывается от престола. Он передает свое отречение прибывшим на станцию Дно монархистам Гучкову и Шульгину. Так, при общем согласии революционеров, либералов, монархистов, пала монархия. Россия стала демократической республикой.

Свержение самодержавия в феврале 1917 г. изменило положение в стране к худшему: экономика разваливается, подвоз продовольствия в города ухудшается, стоимость денег падает все быстрее, война продолжается. Единственным реальным завоеванием революции была полная свобода слова. Неограниченная свобода слова становится могучим оружием большевиков. Прежде всего — оружием Ленина.

3 апреля вождь большевиков приезжает в Петроград, пересекая по дороге из Швейцарии Германию в так наз. запломбированном вагоне. Если не считать нескольких

недель в 1905 г., Ленин не был в России с 1900 г. По дороге в Петроград из Финляндии он встретил в поезде рабочего, который рассказал ему о положении в стране. Ленин мог и не встретить рабочего. Он уже понимал главное: в самой свободной стране в мире, в России, власть была слабой и нерешительной.

"Апрельские тезисы" Ленина, поразившие его соратников еще больше, чем противников, были прямым, открытым призывом к захвату власти. Ленин объявляет войну Временному правительству. Вождю большевиков, не связанному ничем, одержимому стремлением к власти, располагающему партией, насчитывающей в апреле 1917 г. 77 тыс. членов, противостоит Временное правительство, связанное со всех сторон. Оно связано, ибо представляет собой лишь половину (в лучшем случае) власти, вторая половина принадлежит Совету; оно связано отсутствием аппарата власти: старый был разрушен и отвергнут как пережиток царизма, создание нового задерживается, ибо сверху донизу возникает двоевластие. Временное правительство, наконец, связано нормами и чувствами, которые вскоре станут называть пережитками проклятого прошлого. Правительство продолжает войну, считая себя связанным договорами с союзниками, данным словом; правительство отказывается провести аграрную реформу до решения Учредительного собрания, созыв которого еще только намечен.

3 июля солдаты Петроградского гарнизона, опасавшиеся, что их могут отправить на фронт, организуют вооруженную демонстрацию под лозунгами свержения Временного правительства. 4 июля к ним присоединяются 10 тыс. кронштадтских моряков. Выступление заканчивается неудачей — Ленин будет рассматривать его как репетицию будущего захвата власти.

Неудача июльской репетиции объясняется прежде всего тем, что Петроградский совет не поддержал большевиков. Важным аргументом, убедившим войска выступить против большевистской демонстрации, были документы, свидетельствовавшие, что Ленин и большевики — "немец-

кие агенты", получавшие деньги от кайзеровской Германии.

Тема "немецкого агента" продолжает и сегодня интересоваться не только историков. Понятие "агент иностранной державы" обозначает человека, выполняющего чужую волю. Нет сомнения, что у Ленина была собственная воля и собственные цели, которые, однако, в 1917 г. совпадали с интересами Германии. Вождей всех революций обвиняли (побежденные) в том, что они получали деньги от иностранных держав. Как правило, так и было. Документы, обнаруженные в германских архивах в 1945 г., полностью подтверждают то, что говорилось в 1917 г.: Германия не только помогла Ленину приехать в Россию, но и дала большевикам деньги. Да и как иначе партия Ленина могла бы издавать в апреле 1917 г. 17 ежедневных газет тиражом в 320 тыс. экземпляров?

Проблема "немецкого золотого ключа большевиков", как назвал ее русский историк Мельгунов, это проблема этическая и политическая. По поводу ленинской этики Марк Алданов, свидетель революции и талантливый писатель, заметил: "Не стеснялся Ленин дела Таратуты, не стеснялся фальшивых ассигнаций, не стеснялся тифлисского мокрого дела, — зачем ему было стыдливо относиться и к немецким деньгам, весьма удачно им использованным в интересах большевистской партии".

"Удачное" использование немецких денег — политическая сторона проблемы. Деньги, полученные от кайзеровского правительства были необходимы, но недостаточны для успеха большевистской пропаганды. Они давали возможность вести пропаганду в широких масштабах, но правительство имело в своем распоряжении средства не менее значительные. Важно было уметь их использовать, найти лозунги, привлекавшие массы. Лозунги простые и ясные: мир, земля, грабь награбленное.

В июле, опасаясь ареста, Ленин бежит из Петрограда. Осенью он возвращается в столицу, чтобы организовать захват власти. Приходится говорить "возвращается осенью", ибо советские историки до сих пор не пришли к согласию

относительно дня. Приводятся разные даты — от 22 сентября до 7 октября. Все согласны с тем, что Ленин участвует 10 октября на заседании ЦК, на котором принимается решение произвести переворот, свергнуть Временное правительство. Известно, что соратники Ленина заставляют себя очень просить. Руководителю партии приходится угрожать выходом из ЦК, "обращением к низам". Только два члена ЦК, ближайшие соратники Ленина, Зиновьев и Каменев голосуют против.

В числе множества мифов, прямой лжи и полуправды, образовавшихся вокруг важнейшей даты советской истории, особенно упорствует легенда о "предательстве" Зиновьева и Каменева, опубликовавших письмо в горьковской газете "Новая жизнь" (18. 10.) и "выдавших" день и час восстания. Письмо это, полностью в духе советской истории, никогда нигде (кроме "Новой жизни") не было опубликовано, хотя нет книги или статьи, посвященной Октябрю, где оно бы не упоминалось. Письмо, не выдавая никакой тайны, (все в Петрограде знали о предстоящем выступлении большевиков), выражало несогласие с Лениным относительно захвата власти только большевиками. Зиновьев, Каменев и ряд других членов ЦК считали необходимым создание правительства, представлявшего все русские социалистические партии — все партии, представленные в Совете. Ленин настаивал на большевистском перевороте, не желая делиться властью.

Советские историки продолжают по сегодняшний день спорить о дате начала революции. Одни называют утро 24 октября, другие — вечер того же дня, третьи — защищают 22 октября. Споры вызваны желанием представить захват власти большевиками как революцию, как героический акт борьбы с отчаянно сопротивляющимся врагом. Фактически власть переходит в руки большевиков 21 октября, когда Военно-революционный комитет Петроградского Совета издает приказ воинским частям подчиняться только ему и рассылает комиссаров для проверки исполнения приказа. Председателем Совета и председателем ВРК был

Троцкий, в состав ВРК входили только большевики и несколько поддерживавших их левых эсеров.

Переворот уже совершился, но никто еще не осознает этого. Необходима формальность: захват Зимнего, разгон Временного правительства, уже утратившего власть.

Среди неразрешенных загадок Октября — поведение Ленина в решающие дни. С 20 октября он как бы исчезает: его не видно и не слышно. Весь день 24 октября Ленин остается в подполье. Загадка усугубляется поведением непосредственных руководителей переворота: вождя партии не зовут в Смольный. 6 ноября 1918 г. Сталин рассказывал в юбилейной статье: "24 октября вечером Ленин был вызван в Смольный для общего руководства движением". Сталин мог бы добавить, что не дождавшись вызова, вождь революции решил и на трамвае поехал с Выборгской стороны в Смольный.

Троцкий вспоминает, что, явившись в штаб восстания, Ленин "был в восторге, выражавшемся в восклицаниях, смехе, потирании рук, потом он стал молчаливее, подумал и сказал: "Что же можно и так, лишь бы взять власть".

"Последний решительный бой" идет между 5—6 тысячами сторонников большевиков и полутора-двумя тысячами защитников Временного правительства. Огромный петроградский гарнизон объявил себя нейтральным. Восставшие по одному — по два проникают через незащищенный "черный ход" в Зимний. "Аврора" холостым выстрелом дает сигнал Петропавловской крепости открыть артиллерийский огонь по Зимнему дворцу: выпустив около 30 снарядов артиллеристы попадают в цель 2—3 раза. Защитники Зимнего сначала берут в плен проникающих во дворец красногвардейцев; когда пленных набралось много, они сами взяли в плен и разоружили юнкеров. Антонов-Овсенко арестовал Временное правительство. Революция победила.

Съезд советов провозглашает декреты о мире и земле. Он утверждает "Временное рабочее и крестьянское правительство" — Совет народных комиссаров — состоящее из большевиков и нескольких левых эсеров. "Революция, — писал Ленин об Октябре, — в известных случаях

означает чудо... Вышло чудо". 24 января 1918 г. Ленин все еще поражен чудом и сообщает съезду советов, советская власть существует уже на 5 дней дольше, чем Парижская коммуна.

Дважды на протяжении 1917 г. власть в России, пораженная бессилием, падала от незначительного толчка. Различие состояло в том, что в феврале царское самодержавие было сметено стихийным недовольством петроградского населения и солдат, а в октябре левое Временное правительство было свергнуто партией, возглавляемой человеком, который знал, чего он хочет, твердо убежденный, что он постиг законы истории, ибо овладел учением Маркса-Энгельса. В отличие от человека религиозного, знающего, что он верит, Ленин, человек идеологический, верил, что он знает.

Придя к власти, Ленин начинает реализовать утопическую программу, сочиненную им в предоктябрьские дни в Разливе, известную под названием "Государство и революция". Цель Октябрьского переворота видится ему совершенно ясно: революция в России — искра, зажигающая костер мировой революции, открывающей перед трудящимися рай на земле — коммунизм. Популярнейший лозунг первых послеоктябрьских лет: совершим прыжок из царства необходимости в царство свободы. После неудачи первого "большого прыжка" этот период будут называть эпохой военного коммунизма. В момент прыжка — говорят о строительстве коммунизма.

Придя к власти, Ленин немедленно осознает, что для осуществления планов строительства коммунизма необходима неограниченная власть в руках партии и ее вождя. Две даты открывают год первый советской власти — 1918: 5 января — день открытия Учредительного собрания и 6 января — день его разгона. Однодневная жизнь первого в истории России свободно избранного собрания народных представителей заключает в себе — как в зерне — все элементы рождавшейся советской системы.

Идея Учредительного собрания — органа, выражающего волю всего народа — рождается во время Французской

революции. Народные депутаты, собравшиеся в Париже, свергли монархию, выработали конституцию, утвердившую республику. Со второй половины XIX в. Учредительное собрание становится лозунгом противников самодержавия в России.

Временное правительство принимает решение о созыве всероссийского Учредительного собрания в марте 1917 г. Ленин, вернувшись в апреле в Петроград, объявляет себя безоговорочным сторонником органа, выражающего народную волю: "Мне приписывают, — жаловался Ленин 4 апреля, — взгляд, будто я против скорейшего созыва Учредительного собрания!!! Я бы назвал это бредовыми выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение".

Временное правительство назначило выборы на 12 ноября (по старому стилю), а 25 октября к власти пришли большевики. Совет народных комиссаров издал декрет о производстве выборов в назначенный срок. До 9 декабря по всей стране шли выборы, в которых принимали участие и солдаты. Примерно 36 миллионов граждан Российской республики тайно проголосовало за своих кандидатов. Несмотря на то, что в крупных городах выборы шли уже под надзором большевистских советов, результаты оказались катастрофическими для новой власти. За партию Ленина голосовало не более 9 млн. человек, около 25% избирателей. Социалистические партии (за исключением большевиков) собрали 59,6%. "Выяснилось, — сообщал в докладе ЦК комиссар выборной комиссии Урицкий, — что мы будем в меньшинстве даже с левыми эсерами".

За десять дней до созыва Учредительного собрания Ленин писал, что "единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса (он имел в виду отсутствие большинства у большевиков. — М. Г.) является безоговорочное заявление Учредительного собрания о признании советской власти, советской революции, ее политики...". Иными словами, комментировал в своих воспоминаниях председатель Учре-

дительного собрания, лидер эсеров Виктор Чернов, — "все проблемы, для решения которых Учредительное собрание собиралось, уже решены до Учредительного собрания и без Учредительного собрания".

Учредительное собрание открылось 5 января. На рассвете 6 января "бритый матрос", как вспоминает Чернов, объявил, что Учредительное собрание "по распоряжению народного комиссара" закрывается. Тем более, добавил матрос, что "караул устал". Воля наркома, воля караула становится высшим законом страны.

Когда Ленин писал "Государство и революцию", все казалось очень просто: свалить царское самодержавие, захватить власть и каждая кухарка сможет управлять государством. Немедленно, после переворота, выяснилось, что недостаточно быть кухаркой, чтобы управлять государством. В статье "Задачи советской власти" (1918) Ленин продолжает давать простые ответы на вопрос о будущем. Для того, чтобы построить коммунизм, необходимы контроль и учет, применяемые к двум элементарным операциям: взятие и распределение.

В 1921 г., признаваясь в "ошибке", Ленин говорил:

"В начале 1918 г. мы ... решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам и выйдут у нас коммунистическое производство и распределение". Чудесный ключ открывал дверь в рай: "мы решили", "крестьяне дадут", "мы разверстаем". И вот он — коммунизм!

Крестьяне отказывались "дать" хлеб. В мае и июне 1918 г. Совет народных комиссаров принимает декреты "о хлебной повинности": крестьяне обязаны сдавать "все излишки" по твердым ценам. "Разверстка хлеба, — требует Ленин, — должна лечь в основу нашей деятельности... Разверстка должна быть доведена до конца. И только тогда, когда мы решим эту задачу, и у нас будет социалистический фундамент, мы сможем построить на этом социалистическом фундаменте ... роскошное здание социализма".

Начинается война с деревней. Для конфискации хлеба, ибо к этому сводится сбор "излишков", организуется "хлебный фронт". Создается продовольственная армия — продотряды насчитывают не менее 50 тыс. человек. Ленин назовет их "первым и величайшим шагом социалистической революции в деревне".

Октябрьский переворот, который теоретически должен был представлять собой революцию трудящегося большинства населения против меньшинства-эксплуататоров, оказался захватом власти партией Ленина. В руководстве партией не все были согласны с вождем. Через 10 дней после переворота 5 видных членов ЦК подали в отставку, протестуя против политики, отвергающей "волю подавляющего большинства рабочих и солдат". Они настаивали на "социалистическом правительстве", включающем другие партии, представленные в советах, предупреждая, что альтернатива — это чисто большевистское правительство, которое сможет удержаться у власти лишь средствами политического террора.

Советские историки, называя первые годы после революции эпохой "военного коммунизма", пытаются создать впечатление, что контрреволюция была причиной голода, холода, всех лишений, что "красный террор" был всего лишь ответом на "белый террор". Революция, разрушающая установленный порядок вещей, всегда вызывала реакцию бывших правящих классов. За революцией, как свидетельствует история, всегда следовала контрреволюция, пытавшаяся, удачно или неудачно, восстановить прежнее положение. В России, в первые месяцы после Октябрьского переворота, сопротивление новой власти выражалось беспорядочно — забастовками, пассивным выражением недовольства. Необычайно агрессивная политика советской власти, стремившейся построить коммунизм немедленно, "враз, в боевом порядке революционной совести и трудгужповинности" как говорил герой романа А. Платонова "Чевенгур", быстро увеличивала и активизировала врагов революции.

Ленинская внешняя политика была войной, объявлен-

ной всему "капиталистическому миру". Ленинская внутренняя политика была войной, объявленной подавляющему большинству населения страны. Причиной голода стало запрещение частной торговли, монополизация "распределения" продовольствия. Это была сознательная концепция. Есть, утверждал Ленин, "два способа борьбы с голодом: капиталистический и социалистический. Первый состоит в том, чтобы допускалась свобода торговли... Наш путь — путь хлебной монополии".

Голод, исчезновение продуктов в городах, полное обесценивание денег вели к резкому падению производительности труда, к бегству рабочих в деревню. Партия Ленина отвечает полной национализацией всех предприятий и введением трудовой повинности для всех трудящихся.

Диктатура пролетариата была вписана в программу РСДРП со дня ее рождения. После Октябрьского переворота Ленин видит практическую необходимость диктатуры, как единственной возможности осуществить план коммунистического строительства в России. Чтобы не было никаких сомнений, он объясняет: "Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть".

Это было ясно. Сомнения возникали относительно пролетариата. Рабочий класс, от имени которого, большевики взяли власть, сразу же после Октября разочаровал вождя революции, не оправдал его надежд. В 1922 г. на XI съезде партии, Ленин скажет, что поскольку в советской республике разрушена промышленность, стали фабрики и заводы, "пролетариат исчез". Александр Шляпников, руководитель профсоюза металлистов, ответил Ленину: "Разрешите поздравить вас, что вы являетесь авангардом несуществующего класса..."

Сомнения относительно пролетариата у Ленина были всегда. В 1904 г., после II съезда РСДРП, Троцкий писал: "В ленинской схеме партия занимает место рабочего класса. Партийная организация подменяет партию. Центральный комитет подменяет партийную организацию и, наконец,

диктатор подменяет Центральный комитет". Полтора десятилетия спустя, после захвата власти, Ленин не отказывался: "Когда нас упрекают в диктатуре одной партии... мы говорим: Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем".

Рождается система, еще неизвестная истории. Все запрещено, все национализировано, все строго контролируется. Первая конституция нового мира — принятая в июле 1918 г. конституция РСФСР — вводит принципиальное неравенство обитателей советской республики: наверху — пролетариат, ниже — многочисленные категории крестьянства (деревенский пролетариат, бедняки, маломощные середняки, середняки), ниже всех — лишенные всех прав — кулаки. Категория лишенцев (одно из новых слов, которыми "обогащается" русский язык) включает также торговцев, лиц, живущих на нетрудовые доходы, священнослужителей и т. д. и т. п. Выборы в советы — явные, неравные и непрямые. В 1918 г. Роза Люксембург, находясь в заключении в австрийской тюрьме, но отлично зная Ленина и его "схему", пишет брошюру "Русская революция". Она, всего через несколько месяцев после прихода большевиков к власти, пишет, что лекарство, открытое Лениным и Троцким, хуже болезни, которую оно должно было вылечить. Сегодня, в процессе "перестройки" главным виновником кризиса, в котором находится Советский Союз, объявляют "бюрократию". 70 лет назад Р. Люксембург писала: "Подавление политической жизни в стране приведет к тому, что жизнь постепенно замрет и в советах. Без всеобщих выборов, без неограниченной свободы печати и собраний, без свободной борьбы мнений, жизнь замрет во всех общественных институтах, они сохраняют лишь подобие жизни, единственным активным элементом будет бюрократия".

В первые недели после Октябрьского переворота, по инициативе Ленина, создается ВЧК — политическая полиция, "орган непосредственной расправы", как одобрительно называют его советские газеты. ВЧК, орудие террора, орган непосредственно осуществляющий диктатуру партии,

имеет неограниченные полномочия. В сентябре 1918 г. все губернские ЧК получают директиву, подписанную председателем ВЧК Дзержинским: "В своей деятельности ВЧК совершенно самостоятельны, проводя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК". Знаменитая газета киевских чекистов "Красный меч" провозглашала: "Нам все дозволено, ибо мы первыми подняли меч... во имя всеобщей свободы и освобождения от рабства".

3 марта 1918 г. советская республика подписала сепаратный договор с Германией, заключила "похабный мир", как выразился Ленин. Россия вышла из войны, отдав Германии Прибалтику, часть Белоруссии, всю Украину. В большевистском руководстве только Ленин твердо, последовательно и решительно выступал за подписание мирного договора. Большинство членов ЦК было против мира с Германией: одни, потому что считали невозможным для революционного правительства заключать соглашения с империалистами, другие, потому что имели, как писал В. Бонч-Бруевич, "ложно-патриотические и национальные предрассудки". Ленин снова, как в октябре 1917 г., грозил членам ЦК, что обратится к партийным массам, требовал, упрашивал. Для него главным вопросом, как всегда, был вопрос власти: подписав "похабный мир", удовлетворив требования солдат, не желавших воевать, Ленин сохранял власть ценой территориальных уступок. Ничтожным большинством ЦК принял решение о подписании мира. Ленин одержал победу, ибо Троцкий и его сторонники в ЦК воздержались от голосования.

Брестский мир изображается как свидетельство политического гения Ленина. Но позиция Ленина оказалась верной лишь потому, что союзники одержали победу над Германией. Вспыхнувшая в результате поражения революция в Германии положила конец оккупации захваченных по Брестскому договору территорий, перечеркнула "похабный мир", засвидетельствовала "правоту" Ленина. Если бы Россия не вышла из войны, победа над Германией пришла бы раньше и Россия была бы в числе победителей.

Если бы последнее большое немецкое наступление во Франции увенчалось успехом, победа Германии стала бы сигналом гибели советской власти. Но в истории важны только случившиеся события.

Мир с Германией не дал России мирной передышки. Весной 1918 г. начинается гражданская война. Советские историки охотно используют поэтическую метафору: "огненное кольцо контрреволюции". Она не передает характера гражданской войны. В огне, который вспыхивает почти сразу же после Октябрьского переворота, была вся страна. Повсеместное недовольство политикой правительства Ленина загорается кострами восстаний на юге, севере, востоке и западе. Но костры эти не могут превратиться в пожар всеобщего антибольшевистского восстания, ибо у контрреволюции нет ни признанного вождя, ни признанной общей положительной программы.

Основные центры контрреволюции возникают на периферии. Это дает советской власти значительные стратегические преимущества. Народный комиссар по военным делам, организатор Красной армии, Троцкий писал: "Преимущество нашего положения заключалось в том, что мы занимали центральное положение и действовали по внутренним линиям. Как только противник обозначал направление своего удара, мы имели возможность подготовить контр-удар. Мы могли концентрировать наши силы для наступления в наиболее важных направлениях и в необходимый момент".

Главным, однако, было другое. Важнейшая причина поражения русской контрреволюции заключалась в непонимании ее руководителями того, что гражданская война была войной политической. Это нашло свое выражение прежде всего в том, что революцией руководили политики, а контрреволюцией — военные.

Объектом гражданской войны в России, как и каждой гражданской войны, был народ. Большевики пришли к власти, обещав мир и землю. Первое обещание не было сдержано, но вина была возложена на контрреволюцию. Продразверстка означала конфискацию всего, что кре-

стьяне производили на своей земле, но сама земля оставалась у них. Жизнь, прежде всего в городах, стала после прихода большевиков к власти гораздо труднее, чем раньше: воцарились голод, холод, террор. Однако, одно обещание новая власть сдержала: бывшие правящие классы потеряли все свои привилегии, "бывшие" стали жить не просто хуже, чем жили раньше, они стали жить хуже, чем пролетарии. Трудящиеся, не получив материального удовлетворения, получили удовлетворение психологическое. Обещание "Интернационала": кто был ничем, тот станет всем, осуществилось в форме: был всем, стал ничем. Это был бесспорный, реальный результат Октябрьского переворота.

Отношение народа к власти определялось в то время отношением власти к двум важнейшим проблемам: будущее земли, захваченной крестьянами; будущее национальностей, составлявших Российскую империю. В программах белых правительств о земле говорилось туманно и двусмысленно, на территориях, занятых белыми армиями были случаи возвращения земли помещикам. Политика продразверстки казалась меньшим злом по сравнению с политикой возвращения земли помещикам. Белое движение ставило своей целью восстановление "единой и неделимой" России. Русский национализм белых совпал с неудержимо нараставшим местным национализмом на окраинах русского государства, именно там где оказались центры борьбы с большевистской властью.

В программе контрреволюции народ видел возвращение к прошлому, к старому. Программа революции казалась программой надежды. Неизвестное новое представлялось большинству населения бывшей российской империи лучше скомпрометированного старого.

Революция, и это был один из важнейших ее козырей, имела вождя, авторитет которого признавался всеми революционерами. Руководители советского государства ссорились между собой не меньше руководителей белого движения, командующие красными армиями враждовали между собой не меньше, чем белые генералы. Ленин председатель Совнаркома, председатель Совета труда и обороны,

вождь партий обладал властью и авторитетом, которые позволяли ему выступать арбитром, иметь решающий голос во всех спорах. Белое движение не имело вождя, не имело руководителя, который бы понимал политический характер гражданской войны.

Одним из решающих факторов победы большевиков был террор. Множество свидетельств рисуют страшные эпизоды белого террора. Но террор на территориях, занятых белыми армиями, был обычно делом отдельных лиц, отдельных генералов, садистов и изуверов. Он носил, если так можно выразиться, кустарный характер. Красный террор носил государственный характер. Он был направлен не против отдельных лиц, даже не против отдельных партий. Его объектом были целые социальные группы, целые классы, а на некоторых этапах гражданской войны — большинство населения страны. Планомерный, целенаправленный террор, проводимый учреждением, — ВЧК, — проникшим во все клетки страны, распространялся также и на Красную армию.

Террор и обещание утопии, рая на земле. Сочетание утопических обещаний и беспощадного массового террора было гремучей смесью, позволившей партии одержать победу в гражданской войне. Важнейшее значение имело наличие вождя, умевшего дозировать, в зависимости от обстоятельств, составные части смеси.

Умение дозировать оказалось особенно необходимым на последнем этапе гражданской войны, когда она превращается в крестьянскую войну. История России знает большие крестьянские войны. Крестьянская война 20 века значительно превосходит и разинщину, и пугачевщину, как по географическому размаху, так и по числу участников. Первая волна крестьянских восстаний заливают страну в 1918 г. В 1919 г. вспыхивают восстания в Центральной России, особенно жестоко эксплуатируемой продотрядами, на Украине, в казачьих областях. По мере исчезновения опасности возвращения помещиков, по мере того, как победа советской власти становится очевидной, нарастает антибольшевистское крестьянское движение. В 1921 г.,

писал М. Н. Покровский, "центр России был охвачен почти сплошным кольцом крестьянских восстаний от приднепровского Махно до приволжского Антонова". В действительности размах крестьянской войны был гораздо шире. Красная армия ведет войну с крестьянами также в Белоруссии, в Юго-Восточном крае, в Восточной и Западной Сибири, в Карелии, в Средней Азии. Расширяется не только география крестьянского движения. Оно принимает массовый характер. О размахе крестьянской войны свидетельствует участие в руководстве военными действиями против повстанцев крупнейших военачальников Красной армии: главным С. С. Каменев, командующие фронтами М. Тухачевский и М. Фрунзе, командармы Буденный, Якир, Уборевич, Федько и др.

В конце 1920 г. все активнее начинают выражать свое недовольство политикой Ленина рабочие. Рабочие восстания вспыхивали в разных городах на всем протяжении гражданской войны. В конце 1920 г. забастовки вспыхивают в Москве, особый размах они приобретают в "колыбели революции" — Петрограде. Как осторожно выражается "История КПСС": "На почве голода рабочие выражали недовольство экономической политикой Советской власти". Это означает, что рабочие выражали недовольство политической немедленного строительства коммунизма. Рабочие требуют разрешения свободной торговли, считая, что она поможет ликвидировать голод, а затем выдвигают и политические требования: свободы слова, печати, собраний, свободных выборов в советы, созыв Учредительного собрания.

Рабочие волнения в Петрограде производят огромное впечатление на моряков Балтийского флота, "красу и гордость русской революции". Движение начинается на линкорах "Петропавловск" и "Севастополь", которые в 1917 г. были главными очагами большевизма на флоте. 28 февраля экипаж "Петропавловска" принимает резолюцию, излагающую основные требования балтийцев. 1 марта ее одобряет митинг всего кронштадтского гарнизона.

Балтийские моряки требовали прежде всего перевыборов советов, свободы слова и печати для рабочих и крестьян, свободы собраний, профсоюзов и крестьянских объединений. Они требовали "дать полное право действия крестьянам над всей землей, так, как им желательно, а также иметь скот ... не пользуясь наемным трудом".

В программном заявлении "За что мы боремся" кронштадтцы писали: "Совершая Октябрьскую революцию, рабочий класс надеялся достичь своего раскрепощения. В результате же создано еще большее порабощение личности человека... Все ярче и резче вырисовывалось, а теперь стало очевидным, что РКП не является защитницей трудящихся, каковой она себя выставляла, ей чужды интересы трудового народа, и добравшись до власти, она боится лишь потерять ее".

Лозунг моряков — "Советы без коммунистов" — не оставлял сомнений: они выступали не против советской власти, но против власти коммунистической партии. Именно это делало кронштадтское восстание таким опасным для большевиков. Восстание в Кронштадте, заявил Ленин на X съезде партии, собравшемся в марте 1921 г., опаснее для нас, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые.

2 марта Ленин и Троцкий подписывают приказ, объявляющий выступление кронштадтских моряков "белогвардейским заговором". Для подавления восстания выделяется около 50 тыс. бойцов под общим командованием Тухачевского. Красные части ворвались в крепость, защищаемую 5 тысячами моряков, в ночь с 17 на 18 марта. 18 марта все советские газеты посвятили первые страницы 50-летию Парижской коммуны и в один голос клеймили "кровавых палачей Тьера и Галифе". В захваченной крепости шли расстрелы восставших моряков. Оставшихся в живых вывозят на материк и отправляют в концлагеря в Архангельске и Холмогорах.

Восстание в Кронштадте прозвучало для Ленина третьим звонком. В предпоследний день X съезда, который открылся 8 марта в день первого штурма Кронштадта, Ленин объявил о переходе к новой экономической политике.

Перефразируя Пушкина, можно бы сказать, что НЭП родился под грохот кронштадтских пушек. Поняв, что сопротивление крестьян политике немедленного строительства коммунизма будет возрастать и что только военная сила не сможет сломить сопротивление подавляющего большинства населения страны, Ленин делает шаг назад. Один из большевистских теоретиков Д. Рязанов, очень точно определил НЭП, как "крестьянский Брест". Точно так же, как в 1918 г. Ленин настаивал на необходимости передышки для создания армии, которая могла бы сопротивляться германской военной машине, так в 1921 г. он добивается согласия партии на уступку крестьянам.

Новая экономическая политика была прежде всего аграрной политикой. Продразверстка была заменена продналогом. На 1921/22 г. налог был установлен в размере 240 млн. пудов. Это было в два раза меньше запланированной разверстки, но ровно столько сколько было собрано в реальности. Новый, "облегченный" по сравнению с плановой разверсткой продналог, составлял 339% довоенного прямого налога. Значение замены разверстки налогом было в другом: ограничивался государственный произвол. Введение продналога сопровождалось одновременно разрешением свободной торговли. Ленин пошел на это с болью в душе. Объясняя новую политику на X съезде, он повторяет свой постоянный рефрен: свобода торговли, значит назад к капитализму. Но признает, что иного выхода нет. Необходимо сделать шаг назад и восстановить полностью истощенные в безумной попытке немедленного строительства коммунизма силы страны и ее населения. Сделать это можно — признавал Ленин — только с помощью капитализма.

Продналог, разрешение свободной частной торговли влекли за собой дальнейшие меры оздоровления хозяйства: денационализация мелких предприятий, разрешение иностранцам приобретать концессии на разработку полезных ископаемых и производство некоторых товаров. В государственном секторе промышленности вводится хозрасчет, восстанавливается понятие прибыли. Это вынуждает

вернуться к заработной плате, которая практически исчезла, замененная "распределением".

Положение в стране быстро меняется. Когда герой романа А. Платонова "Чевенгур" возвращается в родной город, ему кажется, что в городе белые, ибо на вокзале в буфете, без очереди, продают серые булки. А около вокзала он видит на магазине надпись: "Продажа всего всем гражданам. Довоенный хлеб, довоенная рыба, свежее мясо, собственные соленья". Приказчик в магазине толково объясняет зашедшей старушке смысл НЭПа: "Дождались. Ленин взял, Ленин и дал". Объяснение — точное. Ленин взял — т. е. начал прыжок в коммунизм — с удовольствием, радостный, убежденный, что все можно. Ленин — дал, т. е. отступил к НЭПу — по необходимости, под давлением крестьянства, угрожавшего основам власти партии.

Новая экономическая политика меняет климат страны. Капиталистические формы экономики соседствуют с "социалистическими", государственными. Появляется — то, чего не было с октября 1917 по март 1921 — возможность сравнения. Можно покупать товары у частника, можно в государственном магазине, сравнивая ассортимент и цены. Можно пойти в государственный театр или в частный. Цензура сохраняется: введенная через 10 дней после Октябрьского переворота "временно", она получает в 1922 г. постоянный статут (Главлит). Но наличие частных издательств создает некоторую возможность выбора. Если нужно было бы одним словом определить суть НЭПа — словом было бы: выбор. Николай Асеев жалуется, что время стало "рыжим", перестало быть окрашено одним красным цветом.

НЭП — был радикальным, поражающим воображение поворотом. Со дня на день было приказано произвести переоценку ценностей: аскетизм и идейность эпохи коммунизма заменяются хозрасчетом, разговорами о прибыли и "гнилым либерализмом". Партия сохраняет в своих руках все рычаги политической власти, "командные высоты", по выражению Ленина, уступая некоторые позиции в экономике. Это вызывает разочарование у значительной части коммунистов.

Ленин подчеркивает необходимость сохранения в условиях отступления строгой дисциплины в партии, безусловного подчинения вождю. Он добивается принятия решения о проведении первой генеральной чистки партии. В течение года почти 25% членов РКП(б) было "вычищено". Одновременно X съездом принимается резолюция (она останется несколько лет секретной) о запрещении создания в партии фракций. Ликвидируется последний реликт старой социал-демократии — возможность создавать фракции, выдвигать собственные программы. Партия Ленина становится окончательно партией нового типа — тоталитарной.

НЭП приносит ощутимые результаты. Как вампир приходит в себя, напившись живой крови, так советское государство в течение одного пятилетия, напившись из капиталистического "источника", восстановило силы, окрепло.

Результатом НЭПа было изменение отношения к советской России со стороны Запада. Союзники прекратили войну с советской республикой в январе 1920 г., отказавшись от блокады. В мае 1920 г. в Лондон прибыла делегация, возглавляемая Л. Красиным, для переговоров о заключении торгового соглашения. Переход к НЭПу был воспринят Западом как свидетельство изменения советской власти, превращения советской России в обыкновенное государство, похожее на все другие. Страшный голод 1921—1922 гг. подтвердил новое отношение Запада.

Голод 1921 г. официально объяснялся неурожаем в Поволжье. Подлинной причиной голода, охватившего территорию на которой жило 20% населения страны (25% сельского населения), была политика продразверстки. На IX съезде партии Троцкий коротко подытожил результаты гражданской войны: "Мы разорили страну, чтобы разбить белых". Отсутствие резервов (продотряды забрали и семенной хлеб), голод в городах, разрушенный транспорт, крестьянские восстания, недовольство рабочих создавали критическое положение для власти. Непосредственную помощь могли оказать только капиталистические страны, практически только США. Отказ капиталистов помочь государству, которое открыто ставило своей целью

мировую революцию, казался Ленину поведением как нельзя более логичным. Безвыходное положение вынуждает его дать согласие на создание общественного Всероссийского комитета помощи голодающим. Комитет обращается к миру за помощью. М. Горький, член Комитета, обращается со своей стороны, требуя помочь голодающей России.

Немедленно выражает согласие оказать помощь продовольствием, медикаментами филантропическая Американская организация помощи (АРА), возглавляемая Гербертом Гувером. 21 августа между советским правительством и АРА подписывается соглашение. Немедленно после этого члены Комитета помощи заключаются в тюрьму — руководители отправляются в ссылку, а затем изгоняются из Советской России. АРА начинает поставлять продовольствие. Большая советская энциклопедия (1926) сообщала, что АРА работала в России с 1. 10. 1921 по 1. 6. 1923 и в период максимального развития своей деятельности кормила приблизительно 10 млн. человек.

Голод засвидетельствовал устойчивость власти. Эта устойчивость определялась наличием партии, сплоченной сознанием изолированности в стране, своей элитарности и абсолютного всемогущества. Если партия была скелетом государственной машины, ее мускулами были чрезвычайные комиссии. Партия давала идею: все дозволено, ибо мы работаем на Историю. ЧК — практически осуществляли вседозволенность. Отношение Запада к голодающей России открыло Ленину глаза: он увидел, что капиталистический мир не понимает целей революции, не видит в ней опасности для себя, во всяком случае, предпочитает получить прибыль сегодня, не думая о завтрашнем дне.

25 мая 1922 г. Ленин тяжело заболевает: паралич правой части тела, потеря речи. 2 октября он начинает приходить в себя и возвращается к делам. В декабре новый приступ болезни окончательно выводит из строя вождя партии и государства. До 9 марта 1923 г., когда третий удар превратит Ленина в живой труп, который будет умирать еще 11 месяцев, он может только думать о будущем и прошлом,

Диктовать по несколько минут в день свои мысли, и надеяться, что его советы будут приняты учениками и соратниками.

Болезнь, а потом смерть Ленина, становятся испытанием созданной им системы. На этот раз она испытывается проблемой наследства. Поскольку были неактуальными известные истории модели: монархическая (у Ленина не было детей) и демократическая (в партии не было выборов), понадобилось впервые создать механизм перехода власти от умершего вождя партии к преемнику.

Ленин, родивший партию большевиков, как Зевс Афины, из своей головы, всегда считал, что партии нужен единоличный руководитель. Отвечая группе старых большевиков, требовавших на IX съезде партии (1920) расширения демократии в партии, Ленин изложил свою концепцию партийного руководства: "Советский социалистический централизм единоличию и диктатуре нисколько не противоречат, волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более сделает и часто более необходим".

На смертном одре Ленин обнаружил страшную опасность для партии: было два претендента на пост вождя, на роль диктатора. Ленин называет их: "два выдающихся вождя современного ЦК" — Троцкий и Сталин. Вражда между ними была чревата опасностью раскола, особенно страшного в условиях продолжающегося отступления, в период НЭПа. Желая предотвратить опасность, Ленин диктует "Письмо к съезду", которое станут называть "завещанием". На XII съезде, которому письмо было адресовано, с ним познакомили только руководителей делегаций. Нарушение воли вождя объясняется психологической ошибкой Ленина. В своем "завещании" он недвусмысленно объясняет, что никто из его соратников не обладает необходимыми квалификациями для того, чтобы надеть его "кафтан". Вождь партии завещает заменить его коллективным руководством. Он называет имена 6 членов ЦК, которые вместе могли бы руководить партией. Каждому из них дается характеристика. Можно предположить, что образцом для

Ленина послужили знаменитые слова Собакевича, который, знакомя Чичикова с жителями губернского города, объявил: "один в городе порядочный человек, прокурор, да и тот свинья". Товарищ Сталин, писал Ленин, "сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью". С другой стороны, "тов. Троцкий ... пожалуй самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезвычайно хватающий самоуверенностью и чрезвычайным увлечением чисто административной стороной дела". Затем идут ближайшие товарищи Ленина по эмиграции — Зиновьев и Каменев, которым вождь вспоминает "октябрьский эпизод", хотя предлагает не ставить им его в вину, как и "небольшевизм Троцкого". Самым молодым "выдающимся силам (из самых молодых сил)", Бухарину и Пятакову, Ленин напоминает, что Бухарин "ценнейший и крупнейший теоретик партии", однако "его теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским", что Пятаков, человек "выдающей воли и выдающихся способностей", слишком увлекается "администраторством". Нужно ли удивляться, что никто из поименованных не настаивал на публичном оглашении "Письма к съезду"?

Через десять дней Ленин диктует добавление к "Письму": "Сталин слишком груб, и этот недостаток вполне терпимый в среде и в общении между коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека". Умиравший вождь предлагает "переместить Сталина с этого места" и заменить его человеком, который "отличается от тов. Сталина только одним перевесом: более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризен и т. д.". Как видно из текста — не одним, но многими "перевесами", должен был отличаться от Сталина другой кандидат на пост генсека.

"Письмо к съезду" не только финальный эпизод "времени Ленина". Это признание вождя в ошибке, которую он совершил. Когда Ленин говорит в "Письме" — "тов. Сталин, сделавшись генсеком" — он лукавит. Сталин не "сде-

лался" генсеком, его выбрали по предложению Ленина на пост, который был создан специально в апреле 1922 г. Вождь партии, раздраженный плохой работой секретариата ЦК, бюрократизмом, балаганом, решил, что "генеральный секретарь" наведет порядок в канцелярии ЦК. В декабре 1922 г., диктуя "Письмо", Ленин уже понимал, что дал Сталину возможность овладеть "необъятной властью". Ленин особенно раздражен, ибо он покровительствовал Сталину, использовал его, поддерживал его, терпел его капризы, потому что находил качества "замечательного грузина" полезными, нужными партии и государству. Сталин "сделался" генсеком в 1922 г., но к этому времени он был уже членом Политбюро, членом Оргбюро, народным комиссаром по делам национальностей и народным комиссаром по рабоче-крестьянской инспекции. Никто другой не занимал столько руководящих постов, не выполнял столько функций. Совершенно очевидно, что аккумуляция всех этих должностей не могла произойти без согласия Ленина.

Австрийский социал-демократ Виктор Адлер, подшучивая над Плехановым, упрекал его: "Ленин ваш сын". Плеханов возразил: "Если он мой сын, то — незаконный". Сталин был законным сыном Ленина, как впоследствии выясняется — единственным сыном. То, что в конце жизни отец обиделся на сына и даже попробовал его лишить наследства — случай нередкий. В особенности, если отец обнаруживает, что сын торопится прибрать наследство к своим рукам, не дожидаясь смерти отца.

Первый советский уголовный кодекс, составленный при активном участии Ленина в последний период его жизни, — ценное наследство, оставленное создателем советского государства преемникам. В последние годы советские публицисты настойчиво подчеркивают, что у Ленина было юридическое образование: "Благо, что во главе партии, правительства, фактически во главе государства стоял юрист..." ("Известия", 11. 8. 87). Факт получения В. И. Ульяновым юридического диплома (и несколько месяцев практики в конторе присяжного поверенного) приобрел

особое значение, ибо в марте 1985 г. генеральным секретарем ЦК, фактически главой государства, стал снова юрист (никогда не работавший по специальности). В связи с этим важно понять смысл поправок Ленина к проекту советского УК, сделанных в мае 1922 г. Ленин настаивает на необходимости "открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее *суть и оправдание* (выделено Лениным. — М. Г.) террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать его и узаконить его принципиально, ясно, без фальши". Ленин настаивает (гражданская война уже закончилась) на "расширении применения расстрела" по отношению "ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т. п." Обращает здесь внимание формула: "ко всем видам деятельности". Главный, однако, вклад вождя заключается в изложении статьи о "пропаганде и агитации". Юрист Ленин предлагает неизвестную ранее правовой науке формулу: "Пропаганда или агитация, объективно содействующая той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности... караются высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу".

Находка Ленина понятие "объективной помощи" международной буржуазии. За высказывание взглядов, которые "объективно помогают" буржуазии, кодекс предусматривает расстрел (или тюрьму, лагерь, высылку). Суду дается право определять, что является "объективной помощью". Это значит — власть может убивать (лишать свободы) кого захочет, кто ей не нравится, кто ей мешает. "Объективная помощь" означает фиктивность законодательства — это характерная черта тоталитарного государства: закон не существует, уголовный кодекс — фикция.

Первым опытом применения юридической формулы Ленина была высылка в 1922 г. из Советской республики большой группы ученых, литераторов, философов, агро-

номов. Их изгоняли — на основании нового УК, — хотя они не совершили никаких преступлений. Советская власть, — писала "Правда", делала "первое предупреждение интеллигенции". Вторым опытом был большой показательный процесс правых социалистов-революционеров за деятельность в годы гражданской войны, амнистированную законом. Государственный обвинитель Н. Крыленко объявил на суде: "Если бы у нас была хоть на одну секунду гарантия того, что эти лица в будущем не будут опасны... мы сказали бы им: "Иди и впредь не греши" ... Эсеров осудили, многих на смертную казнь, за то, что они могли быть потенциально-опасны. Зримые черты сталинского времени были очевидны для всех, кто хотел их видеть.

2. ВРЕМЯ СТАЛИНА

Глава советской истории, которую логично называть "сталинским временем", по имени генерального секретаря ЦК, наложившего свой неизгладимый отпечаток на эпоху, определявшего ход развития государства и судьбу всех его граждан, занимает примерно 30 лет. Первый ее этап — борьба за ленинский "кафтан". Сталин демонстрирует великолепное понимание сути системы, оставленной в наследство Лениным, понимание главного — аппарат, партийная машина является могущественнейшим оружием в борьбе за власть. Сталин проявляет талант политического игрока, меняя свои взгляды в зависимости от ситуации, заимствуя лозунги у противников, приписывая им точку зрения, которой они не придерживаются. Он разделяет своих конкурентов, натравливая одного на другого. Сначала в союзе с Зиновьевым и Каменевым, в качестве младшего партнера, он разрушает позиции Троцкого, быстро теряющего все возможности претендовать на руководящий пост в стране. Затем, в союзе с Бухариным, Сталин громит "объединенную" оппозицию Троцкого-Зиновьева-Каменева, чтобы

в конце 20-х гг. обрушиться на "правых", т. е. на Бухарина и его сторонников.

В 1926 г. НЭП начинает задыхаться. Восстановление экономики в основном завершено. Прежде всего это касалось сельского хозяйства. Встает вопрос: что же дальше? В каком направлении развивать сельское хозяйство? На какие средства строить сильную промышленность? Важнейшая особенность системы управления, созданной после Октября партией, заключалась в том, что все проблемы решались только с точки зрения политических выгод, с учетом интересов политической власти. С точки зрения политики решались и все народнохозяйственные проблемы.

Если мы обратимся к истории неудержимого восхождения Иосифа Сталина, мы увидим, что его взгляды на экономику всегда определялись интересами борьбы за власть. Он объединяется с Бухариным, чтобы расправиться с "левыми", а затем призывает "левых", чтобы покончить с "правыми". До 1927 г. Сталин поддерживает программу Бухарина, призывавшего крестьян "обогащаться". Это дает ему возможность расправиться с "левой" оппозицией. С лета 1927 г. Сталин переворачивает фронт.

Трудности с заготовкой зерна, вызванные государственной политикой цен на сельскохозяйственные продукты, становятся предлогом для наступления на деревню. 30 тыс. коммунистов направляются в деревню, чтобы "выколачивать" хлеб. Крестьяне говорят: "вернулся 19 год". 15 января 1928 г. Сталин покидает Москву и направляется в Сибирь — в последний раз он совершает подобную поездку по стране. Сталин возвращается с директивой — ее станут называть "урало-сибирский метод" — применять к крестьянам 107 статью Уголовного кодекса и наказывать "за укрывательство" зерна, как за спекуляцию, привлекать к поискам зерна "бедняков", давая им 25% конфискованного зерна. Это был ленинский метод внесения гражданской войны в деревню.

Главным врагом объявляется — кулак. Совсем недавно Калинин писал: "Кулак это жупел, это призрак старого мира. Это не общественный слой, даже не группа, даже не

кучка, это вымирающие единицы". Теперь Сталин на пленуме ЦК гордо заявляет: "Мы давим и тесним постепенно капиталистические элементы деревни, доводя их иногда до разорения". В апреле 1928 г. Сталин объявляет о расторжении "гражданского мира": "Мы имеем врагов внутренних, мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать, товарищи, ни на минуту".

7 ноября 1929 г. "Правда" публикует статью Сталина "Год великого перелома". Она заканчивалась словами: "Мы идем на всех парах по пути индустриализации". Поэтическая метафора стала реальностью через семь недель: 27 декабря 1929 г., обращаясь к марксистам-аграрникам, Сталин объявляет о переходе к политике "ликвидации кулачества как класса", к политике коллективизации. НЭП кончился. Начинался очередной "большой прыжок". Началась "революция сверху", значительно более радикальная, чем Октябрьский переворот, сломавшая основы жизни более 130 млн. жителей деревни, составлявших 2/3 населения страны, окончательно изменившая характер государства.

Зима 1929—30 гг. — была страшным временем "сплошной" коллективизации. Советский историк пишет: "В принятом 5 января 1930 г. постановлении о темпах коллективизации намечалось в основном завершить коллективизацию на Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге осенью 1930 г..., а в остальных зерновых районах — осенью 1931 г." ("Правда", 9.8. 87). Советский историк не пишет — кто же "принял постановление" о безумных темпах. Зато он объявляет: "В марте 1930 г. ЦК ВКП(б) принял решительные меры по исправлению положения". Достаточно обратиться к газетам 1930 г., чтобы обнаружить, что постановление о темпах было принято тем же самым ЦК ВКП(б), который два месяца спустя затрубил — временный — отбой.

65 дней — от 27 декабря 1929 г., когда Сталин объявляет о переходе к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, добавляя "снявши голову по волосам не плачут", до 2 марта 1930 г., когда тот же Сталин публикует в "Правде" статью "Головокружение от успехов",

в которой всю вину за эксцессы сваливает на исполнителей — потрясли страну гораздо больше, чем те "десять дней", о которых писал Джон Рид.

Одновременно идут два процесса: создаются колхозы и раскулачиваются "кулаки". Оба процесса взаимосвязаны. "Раскулачивание должно дать колхозам материальную базу, которую неспособно дать государство. Раскулачивание, лишая деревню наиболее активных, предприимчивых, независимых крестьян, подрывало дух сопротивления в деревне, облегчало коллективизацию. Наконец, судьба "кулаков", изгоняемых из родных мест, ссылаемых на север, отправляемых в тюрьмы и лагеря, демонстрировала всемогущество советской власти.

Юридического определения понятия "кулак" не было. И это давало власти могучее оружие. В одном районе "кулаком" считался крестьянин с двумя лошадьми, в другом — с одной. Кулаком объявлялся тот, кто не шел в колхоз. Не кулак был врагом, а враг — был кулаком. Врагом же становился каждый, кто не хотел идти в колхоз. Для облегчения коллективизации каждая республика, область, район получили план. Норма коллективизации всюду была одинаковой — 100%, норма раскулачивания варьировалась в границах 5—7%. Там, где начальство хотело отличиться, план перевыполнялся. В отдельных районах раскулачивали до 15—20% крестьян.

Крестьяне сопротивлялись: отказывались записываться в колхозы, кое-где поднимали бунты, подавляемые жесточайшим образом. Наиболее распространенной формой сопротивления было уничтожение скота. Потом понадобится 30 лет, чтобы восстановить поголовье скота до уровня 1928 г. Окончательный удар по крестьянству был нанесен голодом, сознательно организованным властью в 1931—32 гг. Трудно найти более красноречивое свидетельство отношения партии к народу, нежели цифры экспорта хлеба в период коллективизации: 1928 — 1 млн. ц., 1930 — 48,3 млн. ц., 1931 — 51, 8 млн. ц. В эти годы умирают от голода миллионы крестьян. По подсчетам английского историка Р. Конквеста жертвами коллективизации — от голода,

во время переселения, в тюрьмах и лагерях — стало около 15 млн. человек, более 10 % населения.

Экономические итоги коллективизации были катастрофическими: в 1929—33 гг. валовые сборы зерна сократились, упала урожайность. Демографические итоги — были трагическими — коллективизация обернулась геноцидом. С политической точки зрения коллективизация была замечательным успехом. Прежде всего государство легко могло брать в колхозах хлеб, который ранее приходилось покупать у единоличников. "Партия, — довольный, подводил итоги Сталин, — добилась того, что вместо 500—600 млн. пудов хлеба, заготавливавшегося в период преобладания крестьянского хозяйства, оно имеет теперь возможность заготавливать 1.200—1.400 тыс. пудов зерна ежегодно".

Сталин выразился точно: "партия добилась". Партия добилась ликвидации крестьянства, последнего класса, сохранявшего некоторую (экономическую) независимость от государства. Теперь не было препятствий на пути создания тоталитарной системы, в которой всё и все принадлежат партии. Политическая власть находилась в руках партии и раньше, теперь она полностью овладела экономикой.

Последствия коллективизации живо ощущаются и сегодня. Хронический, неизлечимый кризис советского сельского хозяйства — прямой результат коллективизации. Перманентное кризисное состояние колхозно-совхозной экономики не позволяет выйти из кризиса советскому народному хозяйству. Советский Союз сегодня — в значительной степени — плод коллективизации. Именно поэтому до сегодняшнего дня советские историки и идеологи боятся сказать правду о коллективизации. Продолжая оправдывать "великий перелом", идеологии ссылаются на пользу, которую колхозы принесли стране в годы войны, позволив государству концентрировать все продовольствие в своих руках. Это убедительный аргумент, который был понят Гитлером. Как известно гитлеровцы в оккупированных районах не распускали колхозов. Но так же хорошо известно, что наличие колхозов не было обязательным условием победы над гитлеровской Германией. Великобрита-

ния, например, выдержала нацистские атаки без колхозов.

Коллективизация была необходимым этапом в процессе строительства тоталитарного государства. Одновременно с ликвидацией единоличного крестьянства происходит национализация духовной жизни страны. В 1931 г. Сталин объявляет себя величайшим историком и дает указания, как следует писать о прошлом. В 1932–34 гг. к присяге приводятся писатели: создается Союз советских писателей, а вслед за ним — союзы представителей других областей культуры. Духовная жизнь страны регламентируется, унифицируется, полностью контролируется партией.

“Год великого перелома” — начало первой пятилетки, старт “плановой экономики”. Мечта о плане, волшебном ключе, открывающем дверь в рай, томила Ленина с того момента, когда он прочитал книгу берлинского профессора Баллода “Государство будущего”. Книга, вышедшая в 1898 г., не привлекла внимания. Фантазии прусского экономиста о “государстве будущего”, в котором национализированы все средства производства и внешняя торговля, в котором вся экономическая жизнь и рабочая сила регулируются сверху, читались как еще одна утопическая программа. Ленин способствует публикации “Государства будущего” в России в 1906 г. Книга переиздается после революции. В годы мировой войны немецкий министр экономики Ратенау организует экономику страны, используя некоторые идеи Баллода. Для Ленина — это свидетельство реальных возможностей плановой экономики. Знаменитый лозунг — коммунизм это советская власть плюс электрификация — маскировал подлинную мысль Ленина: коммунизм это советская власть плюс кайзеровская (регулируемая) экономика.

Настаивая на составлении первого плана — ГОЭЛРО — Ленин ссылался на идеи Баллода и практику Ратенау.

План ГОЭЛРО, который предусматривал 100 электростанций, потом — 20 — остался на бумаге. Пришел НЭП и планирование было отложено в сторону. К нему возвращаются в 1927 г., когда НЭП начинает задыхаться, когда

успехи народного хозяйства начинают, как представляется Сталину и его соратникам, подмывать власть партии. Экономисты приступают к разработке пятилетнего плана развития народного хозяйства под строжайшим надзором Политбюро.

Пятилетка должна была стартовать в октябре 1928 г. Но план еще не был готов. В апреле 1929 г. его утверждает XVI партконференция, хотя он еще по-прежнему не готов. Осложнения с подготовкой плана были вызваны двумя основными причинами. Первая — необычайная трудность задания. Для составления комплексного плана использования всех ресурсов страны с целью ее индустриализации не было необходимой информации. За помощью обратились к иностранцам. Американские фирмы проектировали советскую тяжелую и легкую промышленность. Американцы, немцы, англичане, французы, итальянцы проектировали, руководили строительством, снабжали оборудованием основные объекты первой пятилетки. Вторая причина была идеологического порядка. Экономисты подготовили пятилетний план в двух вариантах — отправном и оптимальном. Даже отправной вариант был чудовищно оптимистическим. Как писал английский экономист Алек Ноув: "Чудеса редко происходят в экономике, а без вмешательства Божественного провидения трудно было себе представить одновременный рост капиталовложений и потребления, не говоря об одновременном потрясающем росте выпуска промышленных и сельскохозяйственных товаров, производительности труда". План был принят в оптимальном варианте. Но едва он был утвержден, как Сталин приказал поднять все цифры на новую, небывалую высоту. Совсем недавно Сталин высмеивал предложение Троцкого построить гидроэлектростанцию на Днестре. Генеральный секретарь объяснял, что Днепрогэс обойдется слишком дорого. Такое строительство, говорил он со свойственным ему юмором, напоминало бы поведение мужика, скопившего несколько копеек и потратившего их на покупку граммофона, а не на починку плуга. Теперь — менее двух лет спустя — Сталин требует закупки миллионов "граммофонов", цифры Троц-

кого он называет "плюгавыми". Оптимальный план, например, предусматривал удвоение добычи каменного угля за пять лет: вместо 35 млн. тонн — 75 млн. тонн. Сталинская цифра, ставшая "контрольной", — 105 млн. тонн. В такой же примерно пропорции увеличиваются все цифры. В декабре 1929 г. съезд ударников решает выполнить пятилетку в 4 года. В феврале 1931 г. Сталин говорит о возможности — это значило: необходимости — выполнения пятилетнего плана в решающих отраслях промышленности в три года. Сталин объявляет: "Темпы решают все". Начинается — ускорение.

Цифры опьяняют составителей планов, возглавляемых Сталиным. Они опьяняют и строителей, советских людей. Кажется: еще одно усилие, еще один построенный завод, воздвигнутая плотина, километр канала — и вот он — социализм, всеобщее счастье. "Лихорадка буден" объявляется признаком здоровья. Партия и поэты подгоняют: время — вперед. И начинает казаться, что время принадлежит государству, принадлежит партии.

В первую пятилетку впервые проявляется идеологическая, важнейшая функция планирования. Ленину принадлежит открытие возможности увязки цифры и цели. В 1919 г. он регистрирует это открытие в формуле: если дать мужику 100 тыс. тракторов, он скажет — я за коммунию. Цифра — 100 тыс. тракторов; цель — коммуния. В России в это время было около 2 тыс. тракторов. Следовательно путь к "коммунии" можно было исчислять увеличением числа сельскохозяйственных машин, или электростанций, или заводов и т. д. Путь в будущее становился зримым. Время нарезалось на порции, преодолеваемые цифрами. Пятилетка стала единицей дороги, пройденной к коммунизму.

В 1932 г. началось подведение итогов первой пятилетки, первого этапа на пути к цели. В январе 1933 г. Сталин объявил о выполнении плана на 93,7%. Жонглирование цифрами, исчисление в процентах, в рублях, стоимость которых плановые органы определяли по своему желанию — дали возможность говорить, что угодно, торжество-

вать победу. К тому же были и несомненные результаты: в необычайные сроки выросли гиганты тяжелой промышленности — на Урале, в Кузбассе, на Волге, на Украине, построены заводы в Москве и Ленинграде, проложено 5.500 км железных дорог (план предусматривал 16 тыс. км). Сталин спросит на XVII съезде: "Не чудо ли это?"

Сомнения возникали даже не при сравнении контрольных цифр и признаваемых результатов. Например, планировалось выплавить 10,3 млн. тонн (в 1928 г. — 4,2 млн. т), а было выплавлено 5,9 млн. т. Сомнения появлялись, когда задавался вопрос о цене "чуда". Главным источником средств на осуществление пятилетки были так наз. внутренние накопления. Они были получены прежде всего за счет того, что главный сталинский экономист Струмилин называл "потребительским аскетизмом": из страны вывозится сырье, в том числе продовольствие, хотя население — даже в городе — живет впроголодь. Летом 1932 г. Сталин объявляет: "Незачем было свергать капитализм в ноябре 1917 г. и строить социализм на протяжении ряда лет, если мы не добьемся того, чтобы люди жили у нас в довольствии... Было бы глупо думать, что социализм может быть построен на базе нищеты и лишений, на базе сокращения личных потребностей и снижения уровня жизни".

В конце первой пятилетки уровень жизни снизился не только по сравнению с 1913 г. Он был ниже уровня 1928 г. В последующие полвека советские руководители неоднократно будут повторять сталинские слова о необходимости добиться того, чтобы "люди жили у нас в довольствии". А "довольствие" будет отдаляться, как линия горизонта.

Цена пятилетки не исчерпывается резким снижением уровня жизни. На этот период приходится организованный правительством голод, унесший миллионы жертв, в том числе не менее 7 млн. на Украине. Резко обостряется уголовное законодательство. 7.8.1932 г. принимается возможно самый суровый закон в истории судопроизводства: за хищение общественной или кооперативной собственности наказание — смертная казнь; лишь при смягчающих вину об-

стоятельствах она заменялась лагерным заключением на 10 лет. Впервые труд заключенных применяется для строительства социализма в невиданных масштабах. Беломорско-Балтийский канал строит одновременно 300 тыс. эзков. По официальным данным только в тюрьмах в мае 1933 г. содержалось 800 тыс. человек. Число заключенных в концентрационных лагерях далеко превосходило эту цифру.

Кошмарная слава гитлеровских концлагерей не должна заслонять советского приоритета в этой области. Честь первого использования термина "концлагерь", родившегося на Кубе в самом конце XIX в. принадлежит Троцкому. В приказе от 4 июня 1918 г. наркомвоенмор требует заключения в концлагеря чехословаков, не желавших сдавать оружие. 26 июня Троцкий предлагает Совнаркому направлять в концлагеря офицеров, не желающих служить в Красной армии. 9 августа Ленин, озабоченный размахом крестьянского восстания в Пензенской губернии, требует от губисполкома: "Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь". 5 сентября 1918 г., после того, как эта мера репрессий уже широко применяется, она узаконивается постановлением Совнаркома: "Необходимо обезопасить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях". Очень скоро выясняется, что среди заключенных неуклонно растет число рабочих и крестьян, которых наказывают за "саботаж", уход с работы, невыполнение норм и т. д. В 1919 г. Дзержинский объявляет, что "концлагеря являются — школой труда".

В годы первой пятилетки окончательно складывается особое, советское отношение к труду. Он перестает быть — экономической функцией, как это было всегда с того момента, когда предок человека встал на задние лапы и взял в переднюю камень. Советский труд приобретает политические функции. Он становится мерилom достоинства человека, определяющим его место в жизни, но одновременно — превращается в тягчайшее наказание. Хороший работник —

это хороший человек, ибо он способствует строительству социализма. Но "плохие" люди, враги — также строят социализм, перевоспитываясь в процессе труда в лагерях. Сталин объявляет: труд — дело чести, доблести и геройства. Но этот сталинский лозунг украшает ворота концентрационных лагерей, число которых не перестает расти. Труд — дело чести, доблести и геройства и одновременно все крупнейшие (и даже средние и малые) объекты пятилетки сооружаются заключенными. Рабский труд становится важнейшим инструментом строительства социализма.

Идет лихорадочное сооружение нового мира, и страх становится составной частью воздуха, которым дышат советские люди. В ноябре 1928 г. пленум ЦК принимает решение о проведении второй генеральной чистки членов партии. В том же 1928 г. проходит первый — после 1922 г. — большой показательный процесс, так наз. Шахтинский. Судят инженеров и техников, обвиняемых в неизвестном ранее преступлении — вредительстве. Вредитель становится новым врагом и объяснением всех неудач социалистического строительства. Шахтинский процесс — целиком сфабрикованный ОГПУ — очередным воплощением ВЧК, — заканчивается смертными приговорами и кампанией ненависти. В 1930 г. очередная кампания ненависти "к врагам" организуется вокруг очередного сфабрикованного процесса — так наз. Промпартии.

В 1932 г. в Советском Союзе вводятся паспорта. В томе советской энциклопедии, вышедшем в 1930 г., еще можно было прочесть: "Паспортная система была важным орудием полицейского воздействия и налоговой политики в т. наз. полицейском государстве. Паспортная система действовала в дореволюционной России. Советское право не знает паспортной системы". Два года спустя оно ее узнало. При чем паспорта выдавались только жителям городов, крестьяне были их лишены, а тем самым закреплены в колхозах.

Страх, как необходимый элемент строительства коммунизма, был использован Лениным сразу же после Октябрьского переворота. ВЧК наводила ужас, ибо была — впервые

в истории России — органом, который имел право искать врагов, вести следствие, выносить приговор и приводить его в исполнение. Одним из знаков изменения политики в 1921 г. было сокращение функций "органов", которые были переименованы. Страшные буквы — ВЧК — были заменены еще мало что значащим сокращением — ГПУ, потом — ОГПУ. Со второй половины 20-х гг. новое название приобретает все более зловещий смысл. В популярной пьесе А. Афиногенова "Страх", премьера которой состоялась в начале 30-х гг., физиолог проф. Бородин, исследовавший советских граждан, говорил в знаменитом монологе: "80% всех исследованных живут под вечным страхом окрика или потери социальной опоры. Молочница боится конфискации коровы, крестьяне — насильственной коллективизации, советский работник — непрерывных чисток, партийный работник боится обвинений в уклоне, научный работник боится обвинения в идеализме, работник техники — обвинения во вредительстве". Проф. Бородин, который в финале пьесы откажется от своих взглядов после беседы с сотрудниками ГПУ, добавляет: есть еще 20% граждан, которым, казалось бы, нечего бояться, "они хозяева страны", это — рабочие, выдвиженцы. "За них, — объясняет физиолог, — боится их мозг... Они все время стараются догнать и перегнать. И, задыхаясь в непрерывной гонке, мозг сходит с ума или медленно деградирует". Проф. Бородин заключает: "Мы живем в эпоху великого страха". А это был только 1931 год!

Когда румынский писатель Панаит Истрати, очень популярный в СССР, приехал на 10 годовщину Октября в страну советов, он обнаружил, что многое не соответствует тому, что ему раньше говорили о новом мире. Советские друзья писателя отвечали: нельзя сделать омлет, не разбив яиц. Писатель возражал: я вижу разбитые яйца, но не вижу омлета. Он был не совсем прав. Основным результатом "разбитых яиц" было создание культа Сталина. В 50-ю годовщину со дня рождения Сталина впервые было объявлено, что партией, государством, международным коммунистическим движением, всем прогрессивным человечеством

руководит великий вождь — Сталин. В годы первой пятилетки Сталин прибирает к своим рукам огромную власть во всех областях жизни и становится объектом культа.

1934 г. начинается праздником. 26 января открывается XVII съезд партии. Это, как скажет Киров, — съезд победителей. В Кремле собрались те, кто руководил коллективизацией и организовал голод для окончательного разгрома крестьянства, кто руководил индустриализацией и ценой невероятных лишений и усилий, используя армию заключенных, добился немалых побед.

Выступая с отчетным докладом, Сталин удовлетворенно констатирует: "Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде и доказывать нечего, да, пожалуй, и бить некого". Славословия Сталину, вождю победителей, со стороны его вернейших соратников, достигают предела в гимне, пропетом Кировым: Сталин — величайший гений всех времен и народов.

1 декабря 1934 г. Сергей Киров, член Политбюро, секретарь ЦК, секретарь ленинградской партийной организации был убит. Впервые после гражданской войны жертвой террористического акта стал один из вождей партии. Обстоятельства смерти Кирова представляют собой чрезвычайный интерес не только потому, что убийство руководителя ленинградских коммунистов стало сигналом к "большому террору". Легенды, связанные с Кировым, играют сегодня важную роль в процессе очередной фальсификации истории. В 1956 г. Никита Хрущев в "закрытом" докладе на XX съезде не оставил сомнений, что убийство Кирова было совершено по приказу (никогда, конечно, не написанному) Сталина. Была создана комиссия для расследования дела. Результаты ее работы до сих пор не обнародованы.

Известно, что ленинградский вождь был убит выстрелом из револьвера молодым коммунистом Леонидом Николаевым. Известно, что, узнав об убийстве, Сталин немедленно выехал в Ленинград, где лично допрашивал убийцу и тех,

кого считали его сообщниками. Известно, что вечером 1 декабря, едва весть о выстреле в Смольном дошла до Москвы, председатель ВЦИК подписывает постановление, практически, вводящее чрезвычайное положение в стране. Немедленно в Ленинграде проводятся массовые аресты по уже готовым спискам. Аресты идут и в других городах. В газетах в первые дни января 1935 г. появляются сообщения о расстрелах "белогвардейцев", обвиненных первоначально в террористическом акте: 37 — в Ленинграде, 33 — в Москве, 28 — в Киеве и т. д. и т. д. Цифры эти значительно занижены, как свидетельствуют выжившие из арестованных.

После "белогвардейцев", виновниками террористического акта называют "шпионов", проникших из-за рубежа. Наконец обвинение адресуется старым большевикам, соратникам Ленина — Зиновьеву и Каменеву. В январе 1935 г. организуется первый показательный процесс, на котором судят коммунистов. Зиновьева и Каменева признают "морально ответственными" в убийстве Кирова и осуждают на 10 лет (Зиновьева) и 5 лет (Каменева) тюрьмы. В августе 1936 г. за то же "преступление" на очередном показательном процессе их приговорят к расстрелу.

Начинается "большой террор". По числу жертв этот период — 1935–1938 — уступает предшествующему — периоду коллективизации. Но в середине 30-х гг. объектом главного удара была не "серая масса" крестьянства, а члены правящей партии, виднейшие руководители революции, партии, правительства, крупнейшие полководцы. Расправа над элитой власти поразила мир, не обративший внимания на миллионы безымянных жертв.

Убийство Кирова и первые два процесса старых большевиков были подготовлены народным комиссариатом внутренних дел, возглавляемым Ягодой. 25 сентября 1936 г. Сталин и Жданов, отдохавшие в Сочи, подписывают телеграмму, адресованную членам Политбюро: "Мы считаем абсолютно необходимым и спешным, чтобы тов. Ежов был назначен на пост народного комиссара внутренних дел.

Ягода определенно показал себя явно неспособным разоблачить троцкистско-зиновьевский блок”.

Начинается "ежовщина". Это время можно изобразить графически волнистой линией, пиками которой были показательные процессы, извещавшие о ликвидации очередных "заговоров": процесс Пятакова, Серебрякова и др. в январе 1937 г.; процесс Бухарина, Рыкова и др. в марте 1938 г.; сообщение об аресте крупнейших советских военачальников в июне 1937 г. Одновременно идут массовые аресты, расстрелы. Население лагерей увеличивается до невообразимых размеров. В поэме Твардовского "Теркин на том свете" сказано об этом: "Там — рядами, по годам, шли в строю незримом Колыма и Магадан, Воркута с Нарымом... Кто, за что, по воле чьей — разберись наука..."

О "ежовщине", о сталинском терроре написано множество книг: воспоминания, исследования... Среди этих книг — "Архипелаг ГУЛag" Александра Солженицына, монография Роберта Конквеста "Большой террор", "Сталин" Бориса Суварина. Все это, однако, публикации в СССР неизвестные. Советская наука, которой предлагает разобраться А. Твардовский либо молчит, либо говорит неправду.

"Большой террор" начинается с убийства Кирова. Проходит несколько лет после выстрела в Смольном и делегаты "съезда победителей" попадают, как выражался Н. Хрущев, в "мясорубку". Из 1956 делегатов, сказано было на XX съезде, 1.108 были арестованы по обвинению в контрреволюционных преступлениях. Из 139 членов и кандидатов ЦК, избранных на XVII съезде, 98 человек, т. е. 70% были арестованы и расстреляны. Какова причина, что произошло?

Современникам все объясняла "История ВКП(б). Краткий курс", первое издание которой появилось в 1938 г. Там объяснялось, что жертвами репрессий были враги народа, "белогвардейские пигмеи", "белогвардейские козьявки", "ничтожные лакеи фашистов". В седьмом издании "Истории КПСС" (1984) объяснение совершенно иное. "Партии и народу в то время было неизвестно о злоупотреблениях властью Сталиным" (с. 425). Подразумевается, что

террор, захвативший все слои населения, принимался как нечто настолько естественное и нормальное, что никто ничего не замечал. И лишь много лет спустя были вдруг обнаружены "злоупотребления" Сталина. В середине 60-х гг. рождается концепция сопротивления ленинцев Сталину, выразившегося в ходе голосования на XVII съезде, когда, якобы, при выборах в ЦК, за Сталина было подано меньше голосов, чем за Кирова. Это теория "хорошего" Кирова и "плохого" Сталина. Наиболее последовательно она изложена в романе А. Рыбакова "Дети Арбата". До сих пор никаких убедительных свидетельств фрондирования "настоящих ленинцев" против Сталина на XVII съезде нет. Ни их выступления на съезде (в том числе речь Кирова), ни их деятельность во время коллективизации и индустриализации не дают оснований сомневаться в их благодарности главному "победителю".

Хрущев, вспоминая прошлое, спрашивает: "Почему Сталин совершил эти преступления? Может быть он был обманут? Но, если он был обманут, то кем?" На вопрос о причинах "большого террора" даются разные ответы. В том числе: Сталина обманул Берия! Ключом к разгадке могут быть воспоминания Вальтера Кривицкого, бывшего руководителя советской шпионской сети в Западной Европе. Он рассказывает об огромном впечатлении, которое произвела на Сталина "ночь длинных ножей", организованная Гитлером летом 1934 г. Ночью 30 июня были схвачены и убиты ближайшие соратники Гитлера — руководители СА. При случае были ликвидированы "беспартийные" противники фюрера. Кривицкий вспоминает, что едва весть о "ночи длинных ножей" дошла до Москвы, Сталин созвал Политбюро. Отвергнув мнения специалистов — разведчиков, дипломатов, экспертов, — Сталин пришел к выводу, что массовые убийства, организованные Гитлером, принесут консолидацию нацизма и укрепят личную власть фюрера.

Убийство Кирова, организованное через полгода после гитлеровской "акции", стало сигналом к завершению строительства тоталитарного государства. Сталину все еще не

хватало "собственной партии". Кадры ВКП (б), строившие под его руководством социализм после смерти Ленина, все еще, несмотря на преданность генеральному секретарю, помнили о революции, о времени, когда во главе партии и государства стоял их основатель. Сталин нуждался в монолитной, послушной ему "как труп", партии. Для этого необходимо было разрушить старый, ленинский аппарат, ликвидировать память о Ленине, и наполнить оболочку партии новым содержанием, новыми членами. В 1935 г. партия уже так пронизала все клетки государственного организма, что удар по ней отразился всюду. Потянутая нитка потащила за собой клубок: государственный аппарат, хозяйственный, армейский, культуру...

В марте 1937 г. Сталин выступает с наиболее откровенной и наиболее циничной из своих речей. Он предупреждает: враг — всюду, он предупреждает: человек с партийным билетом — главная опасность. Сталин предлагает всем партийным руководителям приготовить себе по два заместителя. Генеральный секретарь, мечтавший в свое время о партии — ордене меченосцев, представляет теперь осуществленную мечту — партию—армию. 3 марта Сталин говорит о "руководящих кадрах нашей партии": 3—4 тыс. вышший комсостав, 30—40 тыс. — офицерский корпус, 100—150 тыс. — унтер-офицерский состав. Остальные, можно было понять из речи, — рядовой состав, серая скотинка. Организационный план Ленина был реализован.

Сталин излагает на пленуме свое главное открытие, свой вклад в марксизм: по мере успехов строительства социализма классовая борьба будет все больше и больше обостряться. Иными словами: чем будет лучше, тем будет хуже.

Годы "большого террора", когда никто не знал не будет ли он разбужен ночью стуком в дверь и арестован, были одновременно временем "поворота к человеку". Сталин объявляет, что "человек — самый ценный капитал", он говорит "жить стало лучше, жить стало веселей". Реабилитируются цветы, танго и фокстрот. Поэт провозглашает: "Можно галстук носить очень яркий и быть в шахте героем труда".

30 августа 1935 г. Алексей Стаханов вырубает за смену 102 тонны угля вместо 7 по норме. Очевидно, что такое перевыполнение плана могло объясняться либо смехотворно низкой нормой, либо особыми условиями, которые были созданы Стаханову. ЦК "одобряет инициативу трудящихся" — рождается стахановское движение. Нормы в промышленности повышаются на 15–20%. Подлинный энтузиазм сочетается с обманом, приписками — туфта становится ключом к выполнению планов. В 1935 г., на восемнадцатом году революции, подавляющее население страны живет хуже, чем до революции. Академик Струмилин подсчитал, что в среднем в год советский гражданин потреблял 261,6 кг зерновых продуктов. Ленин в своей ранней работе о развитии капитализма в России жаловался, что батрак потребляет в год только 419,3 кг зерна. Ленин говорил еще о 13,3 кг сала. Струмилин о сале не вспоминает. В связи с индустриализацией резко увеличивается городское население. В результате жилищный кризис принимает особенно острый характер.

Во второй половине 30-х гг. окончательно складывается советская система, в которой реальность исчезает, плотно замаскированная ложью.

В ночь "большого террора" идет радостное всенародное обсуждение новой конституции, заранее объявленной самой демократической в мире или — Сталинской. Структура государства не менялась по сравнению с предыдущей конституцией СССР. Но в Основной закон было вписано то, что раньше подразумевалось: ВКП(б) является передовым отрядом трудящихся, представляет собой руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных. Власть партии легализировалась. Новая конституция, в отличие от прежних, давала всем советским гражданам право голоса, делала выборы в советы прямыми, равными и тайными, гарантировала свободу слова, печати, собраний, тайну переписки и т. п. Знаменательно, что первые выборы по новой конституции проходили в декабре 1937 г., когда террор достиг высшей точки, когда все граждане СССР могли быть арестованы в любую мину-

ту. Впрочем, конституция содержала оговорку, которая перечеркивала все предоставляемые ею права. Особая статья гласила, что все права соблюдаются в "соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социализма". Следовательно, все права зависели от того, кто определял, в чем состоят интересы трудящихся, что способствует укреплению социализма.

Нарастает волна массовых арестов членов партии, партийный билет, как говорит Сталин на февральско-мартовском пленуме ЦК (1937), является прикрытием врага, но накануне пленума съезд партии принимает постановление о "перестройке партийной работы на основе безусловного и полного проведения в жизнь начал внутрипартийного демократизма". Было решено при выборах парторганов установить закрытое голосование.

Конституция объявляет всех советских граждан равными. Они равны, ибо все одинаково не имеют никаких реальных прав. К этому времени культ Сталина приобретает характер обожествления. Все равны, все рабы. И над всеми возвышается Он, Хозяин. Французский писатель Анри Барбюс подписывает (есть основания считать, что он не был автором книги) официальную биографию Сталина. "Новая Россия, — говорится в биографии, — создала настоящий культ Сталина, культ, рожденный доверием и возникший снизу. Это... человек, который интересуется всем и всеми, который сделал то, что он сделал и сделает то, что нужно сделать. Он — спас. Он — спасет". Перед нами новый бог, который спустился с неба, рожденный волной любви снизу. "Кем бы вы ни были, — заканчивается биография бога, — вы нуждаетесь в этом благодетеле".

В 1920 г. Евгений Замятин написал роман "Мы" — книгу о будущем, о тоталитарном государстве, во главе которого находится Благодетель — любящий отец всех нумеров — обитателей Единого государства, и одновременно всемогущий палач. Фанатик человеколюбия, как выразился Достоевский. Воображенный Замятиным Благодетель сошел со страниц романа и взял в свои руки судьбу Советского Союза, превратившегося в 30-е годы в Единое государство.

Во второй половине 30-х гг. к стандартным эпитетам, сопровождавшим имя Сталина — мудрый, гениальный, стальной, железный — прибавляются: дорогой обожаемый, добрый, любимый.

Преображение страны, создание государства тотальной лжи и всеобщего страха с исчерпывающей полнотой было выражено в послании М. Горького "Ударницам на стройке канала Москва-Волга". Защитник женщин, десятилетиями плакавший над их судьбой в царской России, автор "Матери", писал, обращаясь к женщинам-заклученным: "Ваша работа еще раз показывает миру, как прекрасно действует на человека труд, осмысленный великой правдой большевиков, как чудесно организует женщин дело Ленина-Сталина".

"Время Сталина" — это также и война с Германией. Все то, что делалось со второй половины 20-х гг., в том числе коллективизация, индустриализация, чудовищный террор, установление полной власти над духовной жизнью страны, короче — создание тоталитарного государства, обосновывалось, оправдывалось необходимостью подготовки страны к "последнему решительному бою" с империалистами. Запугивание войной заставляло советских людей торопиться, бежать наперегонки со временем.

Войне Советского Союза с нацистской Германией посвящены тысячи книг, в том числе исторических монографий. Выпущена шеститомная "История Отечественной войны". В 1987 г., когда была дана возможность поставить под сомнение некоторые официальные истины, выяснилось, что очень многое следует переписать, еще больше рассказать заново. Академик А. Самсонов, военный историк, признает, что даже "версия о "внезапном нападении Германии на СССР: не может быть принята безоговорочно..." ("Социалистическая индустрия", 24. 5. 1987). А. Самсонов ставит главный вопрос. Он пишет, что война с нацистским агрессором стоила миллионов жертв, принесла гигантские потери материальные и культурные, причинила неисчислимые страдания и спрашивает: "Были ли все эти жертвы неизбежны?" ("Московские новости", № 18, 1987).

Принятое в августе 1987 г. решение написать 10-томную историю Отечественной войны (взамен 6-томной) убедительно свидетельствует, что имеется множество "белых пятен" в казалось бы так детально рассказанной истории войны с Германией.

В числе наиболее ярких "белых пятен", которые, судя по новейшим публикациям, решено оставить "белыми", история начала второй мировой войны.

23 августа 1939 г. советские люди были поражены до глубины души, прочтя на первых страницах газет сообщение о прибытии в Москву министра иностранных дел III рейха Риббентропа. На следующий день читатели газет могли познакомиться с текстом Договора о ненападении между Германией и СССР и полюбоваться на фотографию: улыбающиеся Сталин и Риббентроп, соединенные дружеским рукопожатием.

Изумление советских людей было понятно: многие годы им твердили, что нацизм, гитлеризм, фашизм — злейшие враги человечества и в первую очередь первого в мире социалистического государства. Антигитлеровская пропаганда усилилась после захвата Австрии, потом Чехословакии, после предъявления Германией территориальных требований Польше. Советским людям не переставали говорить о гитлеризме как важнейшем факторе военной угрозы.

Публикация после второй мировой войны документов германского министерства иностранных дел, воспоминаний, исследований (игнорируемых советскими историками), рассказывает длинную историю поисков Сталиным соглашения с гитлеровской Германией, желавшим сохранить с ней такие же добрые отношения, какие были у Советского Союза с Веймарской республикой. Поиски соглашения велись в строгой тайне.

Впервые публично о возможностях сговора намекнул Сталин на XVIII съезде партии в марте 1939 г. 3 мая с поста наркоминдела был снят Максим Литвинов, олицетворявший политику коллективной безопасности и антигерманскую ориентацию. Его место занял председатель Совнаркома Вячеслав Молотов. Все лето 1939 г. ведутся интенсивные

секретные переговоры между Москвой и Берлином. Гитлер активно готовится к войне и желает избежать схватки на двух фронтах. Сталин стремится использовать нетерпение Гитлера и получить от него как можно больше за гарантию невмешательства. Одновременно в августе 1939 г. начинаются переговоры с представителями Англии и Франции, прибывшими в Москву.

Советское правительство имеет три выбора: соглашение с Англией и Францией против гитлеровского агрессора; соглашение с Гитлером; нейтралитет. Первый выбор заставил бы Гитлера задуматься и задержать начало войны в Европе; не очень удобен был для фюрера и третий выбор: нейтральный Советский Союз оставался бы потенциальной опасностью, нависавшей на фланге. Третий выбор — соглашение с Германией — означало прежде всего разрешение начать войну.

Сталин выбрал Гитлера и войну. Несколько причин продиктовали этот выбор. Прежде всего, Гитлер заплатил за соглашение значительно дороже, чем демократические страны, которые не могли распоряжаться не своей территорией. Фюрер отдал Сталину Прибалтику, часть Польши, Бессарабию. Во-вторых, Сталин рассчитывал, что Германия, втянувшись в войну на Западе, ослабит демократические страны и сама станет слабее. Наконец, Сталин всегда органически не терпел демократии, ему была близка и понятна психология фюрера. Он твердо рассчитывал, что сможет его перехитрить.

Соглашение между СССР и Германией, подписанное 23 августа, называлось — Договор о ненападении. "Правда" объявила пакт "инструментом мира", "мирным актом", который будет содействовать "облегчению напряжения в международной обстановке". Секретный дополнительный протокол к Договору, никогда в СССР не опубликованный и официальными историками не упоминаемый, не выглядел "инструментом мира". В протоколе говорилось, что "в случае территориальных и политических преобразований (имелась в виду война, которую Германия развязывала в ближайшие дни. — М. Г.) северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР". Второй параграф протокола гласил: "Вопрос о

том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических развитий". В истории дипломатии есть мало документов так цинично провозглашающих намерение ликвидировать и разделить суверенное государство.

Советские историки и сегодня объясняют необходимость заключения "Договора о ненападении" желанием выиграть время, колебаниями Англии и Франции, не спешившими договориться с Москвой. Такие объяснения можно давать, ибо не публикуется тайный протокол, ибо скрывается радость, воцарившаяся в Кремле после подписания Договора*. Советские газеты опубликовали тост Сталина: "Я пью за здоровье рейхсканцлера, я знаю, как его любит немецкий народ. Я знаю, — добавил генеральный секретарь, — что немцы хотят мира". Не были опубликованы советскими газетами (их записали немцы) слова Сталина, обращенные к Риббентропу: "Советское правительство рассматривает новый пакт очень серьезно. Сталин может гарантировать своим честным словом, что Советский Союз не подведет своего товарища".

"Миролюбивые немцы" начали войну через неделю после подписания Договора и протокола. 14 сентября посол III Рейха в Москве посылает в Берлин депешу: Молотов хочет знать, когда падет Варшава, чтобы объявить о том, что Польша прекратила свое существование и национальные меньшинства, родственные советскому народу, нуждаются в защите. 17 сентября Красная армия нанесла удар в спину польской армии, сражавшейся с гитлеровским агрессором, и вступила на территорию Польши для захвата территорий, входящих в советскую зону на основании секретного протокола, 31 октября Молотов хвастался на заседании Верховного совета СССР: "Оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны германской армии,

* Счастлив был и Гитлер. Фон Шпеер вспоминает, что получив телеграмму о подписании Пакта, фюрер заплясал с криком: "Вот они где они у меня теперь!", показывая кулак.

а затем Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора...”

Договор о ненападении, подписанный 23 августа, еще можно попытаться объяснить с помощью очень сомнительных аргументов. Гораздо труднее объяснить второй договор — О дружбе и границах, подписанный 28 сентября 1939 г. Советские историки, как обычно в трудных обстоятельствах, обращаются к простому способу: Договор о дружбе и границах в советской историографии не упоминается. Если встречается термин ”договор, подписанный в сентябре”, то его содержание не излагается. Советский Союз обязался поставлять гитлеровской Германии необходимое для ведения войны стратегическое сырье (нефть, металлы, зерно), НКВД и Гестапо сотрудничали в Польше (это записано в Договоре) в борьбе с национальным сопротивлением оккупантам, в знак дружбы НКВД выдало Гестапо немецких коммунистов, которые нашли убежище в Москве, а потом в годы террора арестованы. В немецкой кинохронике запечатлен совместный военный парад советских и гитлеровских войск во Львове. Секретное соглашение о границах уточнило зоны влияния: Советский Союз получил Литву, отдав взамен Германии Варшавское воеводство.

”Мы этого не заслужили”, — с горечью и отчаянием сказал Молотов немецкому послу, пришедшему к нему 22 июня объявить войну, которая уже началась несколько часов назад. Молотов был прав, если считать, что под ”мы” он имел в виду советское руководство. Сталин сделал все, чтобы помочь Гитлеру развязать вторую мировую войну. Почти два года он был союзником Гитлера.

Ценой неисчислимых бедствий, миллионов жертв, Советский Союз, поддержанный демократическими странами, разгромил гитлеровскую Германию. Победителей, как известно, не судят. Но история не может забыть вины советского руководства в трагедии второй мировой войны.

В ночь на 1 января 1944 г. советский народ впервые услышал новый гимн СССР. Вместо ”Никто не даст нам избавления ни бог, ни царь, и ни герой...” грянуло: ”Союз

нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь! ... Ленин великий нам путь озарил ... Нас вырастил Сталин..." В 1920 г. идеолог национал-большевизма Николай Устрялов писал: "Над Спасскими воротами, по-прежнему являющими собой глубочайшую исторически национальную святыню, древние куранты поют "Интернационал"... В глубине души невольно рождается вопрос: "Интернационал" ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские ворота, или Спасские ворота кремлевским веянием влагают новый смысл в "Интернационал"?"

В ночь на 1 января 1944 г. гимн международного пролетариата перестал осквернять Спасские ворота. Это не было полной неожиданностью. Не только потому, что в 1943 г. III Интернационал был распущен, чтобы продемонстрировать союзникам отсутствие коммунистической опасности. Но прежде всего потому, что многие изменения — большие, малые, средние, — сложившись вместе обозначили новое направление сталинской политики. Русский патриотизм, который в критический момент битвы под Москвой привлекается для спасения советского государства, становится важнейшим элементом сталинской имперской идеологии.

Победа под Сталинградом становится отправной точкой — был нанесен страшный удар врагу, советская армия засвидетельствовала свою силу, открылась перспектива окончательного разгрома гитлеровской Германии. Сталин видит себя отцом победы. Он изготавляет причудливый монархическо-ленинский идеологический коктейль. Он составляет для себя новую генеалогию, выбирая главным предком Ивана Грозного, изображаемого Собирателем Государства. Многие термины, связанные с революционным происхождением, исчезают. Красная армия становится Советской армией. В награду за победы генеральный секретарь и верховный главнокомандующий возвращает армии старую русскую форму, в том числе погоны, которые четверть века были символом проклятого царского режима. К революционным орденам — Ленина, Красного знамени — присоединяются ордена, связанные с дореволюционной историей — Александра Невского, Суворова. Предусматри-

вается, что дореволюционные ордена носят на правой стороне груди, революционные — на левой.

Имперская идея Сталина — это абсолютная, ничем не ограниченная власть Сталина. Фундамент абсолютной власти — абсолютное послушание подданных. Вождь, Отец, Учитель имел в своих руках множество инструментов, которые обеспечивали покорность граждан первого в мире социалистического государства. Сталину этого кажется мало. Он хочет, чтобы покорность выражалась внешним образом и одевает всех советских граждан в мундиры: каждое министерство получает свой цвет сукна, свою форму, погоны, лампасы, выпушки. Вводятся чины, о которых, казалось, все забыли. Декрет Верховного Совета СССР от 16 сентября 1943 г., например, вводил для юристов звания: действительный государственный советник юстиции, государственный советник юстиции первого ранга, потом второго, третьего и так далее.

Имперская идея Сталина — это всемогущее тоталитарное государство, которому служат все граждане, возглавляемое богоподобным вождем-Благодетелем. 25 июня 1945 г. Сталин мог с удовлетворением подвести итоги. Выступая в Кремле на приеме в честь участников парада Победы генералиссимус поднял тост. "У меня, — сказал он, по своему обыкновению скромно, — самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей... которых считают "винтиками" великого государственного механизма... Я подымаю тост за людей простых, обычных, скромных, за "винтики", которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм... Это — люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей".

"Доктор Живаго" заканчивается словами: "Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, как думали, но все равно, предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание". Послевоенные годы были временем больших ожиданий.

Война была такой тяжелой, такой страшной, победа — такой полной и убедительной, что казалось: все, кто способствовал победе — на фронте и в тылу — будут вознаграждены. Сталин думал совершенно иначе. Именно потому, что все надеялись, потому, что появилось "предвестие свободы", вождь решил покончить со всеми надеждами. Он помнил и о том, что победоносные полки Советской армии пересекли границы Советского Союза и миллионы советских граждан впервые увидели своими глазами, как живут за рубежом. Сталин, хорошо знавший историю, помнил, что молодые офицеры, вошедшие в 1813 г. в Париж, в 1825 г. вышли на Сенатскую площадь.

Были приняты меры по укреплению морального духа советского народа. Удары обрушились на культуру, науку, на все области мышления. В конце 20-х гг., когда подобный ураган прошел над страной, он назывался "культурная революция". Вторая половина 40-х гг. стала называться "ждановщина". Само название, ассоциировавшееся с "ежовщиной", говорит о размахе преследований, террора, жестокости. Андрей Жданов, секретарь ЦК по идеологии, возглавлял поход. 14 августа 1946 г. раздается первый залп "ждановщины": ЦК ВКП(б) принимает постановление о журналах "Звезда" и "Ленинград". Объектами травли становятся Михаил Зощенко и Анна Ахматова. Затем принимаются постановления по вопросам музыки, кино, театра. Назначаются мишени — писатели, композиторы, кинорежиссеры, по которым ведется огонь. В 1948 г. на сессии ВАСХНИЛ утверждается диктатура Лысенко над биологией. В 1949 г. открывается фронт борьбы с "безродным космополитизмом", против иностранщины.

"Сталин умер беспланово, без указания директивных органов, — писал Василий Гроссман в повести "Все течет". — Сталин умер без личного указания самого товарища Сталина. В этой свободе, своенравии смерти было нечто динамичное, противоречащее самой сокровенной сути государства. Смятение охватило умы и сердца. Сталин умер! Одних обьяло чувство горя, — в некоторых школах педагоги заставляли школьников становиться на колени и, сами стоя

на коленях, обливаясь слезами, зачитывали правительственное сообщение о кончине вождя. На траурных собраниях в учреждениях и на заводах многих охватывало истерическое состояние, слышались безумные женские выкрики, рыдания... Других обьяло чувство счастья. Деревня, изнывавшая под чугунной тяжестью сталинской руки, вздохнула с облегчением. Ликование охватило многомиллионное население лагерей..."

5 марта 1953 г., как сообщили газеты, Сталин умер. Смерть его была неожиданной, ибо все поверили, что Вождь бессмертен. Естественно, сразу же родился слух, что Сталин был убит. Пока нет документов о заговоре, организованном Берией, при участии Маленкова, Хрущева и Булганина, предложения остаются гипотезой. Поскольку надежд на появление документов, даже на их существование очень мало, возможно, что загадка смерти Сталина останется навсегда загадкой. Хотя гипотеза об убийстве Сталина основана на серьезных доводах.

13 января 1953 г. "Правда" опубликовала "Хронику ТАСС", извещавшую о раскрытии органами госбезопасности "террористической группы врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза". В том же номере газеты была напечатана статья "Подлые шпионы и убийцы под маской врачей". Если Сталин и не писал сам этой статьи, он несомненно прошелся по ней рукой мастера. Не только главные мысли, но выражения, слова были в статье знакомыми, сталинскими. Статья говорила о раскрытии заговора врачей, в большинстве евреев. Позднее стало известно, что она должна была служить первым сигналом к началу антисемитской кампании в стране, которую предполагалось закончить окончательным решением еврейского вопроса по-сталински: публичная казнь врачей на Красной площади, высылка всех евреев в лагеря на Дальний Север. Была, однако, в статье другая "мысль", которая непосредственно задевала ближайших соратников вождя, в т. ч. Берию. "Некоторые люди, — писал анонимный автор, — делают вывод, что теперь уже снята опасность вредительства, шпио-

нажа... Но так думать и рассуждать могут только правые оппортунисты, люди стоящие на антиамериканской точке зрения затухания классовой борьбы. Они не понимают, что наши успехи ведут не к затуханию, а к обострению борьбы, что чем усиленнее будет наше продвижение вперед, тем острее будет борьба врагов народа”.

Эти строки не могли не напугать ближайшее окружение Сталина. Они были почти дословной цитатой из доклада Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г., который был сигналом кровавой чистки, в том числе и высших кадров. В 1937 г. Сталин говорил: враги проникли во все учреждения и прикрываются партийным билетом. В 1953 г. "Правда" писала: "Некоторые наши советские органы и их руководители потеряли бдительность, заразились розотейством; органы безопасности не вскрыли во время вредительской террористической организации среди врачей”.

Сам арест врачей был зловещим знаком. В 1937 г. арест врачей предварил аресты Бухарина, Рыкова, Ягоды и других. Историк А. Авторханов, автор книги "Загадка смерти Сталина", считает, что Сталин по старческому тупоумию повторил буквально сценарий чистки 37 г. и это стало причиной его гибели. Можно предположить также, что в сталинском замысле было глубочайшее презрение к соратникам, которых он, по свидетельству Хрущева, называл "слепыми котятами”.

Был ли Сталин убит, скончался ли от болезни — 5 марта 1953 г. он умер. Его похороны, во время которых погибли сотни людей, были достойным завершением жизни одного из самых кровавых тиранов в истории.

3. ВРЕМЯ ХРУЩЕВА

”Когда Сталин умер, — рассказывает в своих воспоминаниях Хрущев, — он нам оставил в наследство страх и тревогу”. Чувства наследников Сталина понятны: они не знали как разделить власть и как управлять сталинским государством без того, кто решал все и обо всем. Четверка ближайших соратников — Маленков, Берия, Хрущев, Булганин, присоединив пятого — Молотова, вернейшего из верных, но в последнее время утратившего фавор вождя — поделила власть между собой. Началось ”коллективное руководство”. И немедленно началась междоусобица. Л. Берия, попытался, опираясь на ”органы”, захватить высшую власть. Хорошо помнившие, чем грозит для руководителей террор ”органов”, Маленков, Хрущев и Булганин, с помощью армии, предупредили Берию и в июле 1953 г. было объявлено об его аресте.

Имеется много версий относительно обстоятельств ареста шефа ”органов”, и его смерти. Хрущев рассказал, по крайней мере, четыре разных сценария. Официально 24 декабря 1953 г. ”Правда” сообщила о состоявшемся суде над Бе-

рией. Он был обвинен в том, что начиная с 1919 г. служил в "Интеллидженс сервис" и, следовательно, выполнял на протяжении десятилетий задания иностранной разведки, а не товарища Сталина. Суд приговорил Л. Берия, а также группу виднейших руководителей "органов" к расстрелу. Появился козел отпущения, на которого стало возможным возлагать всю вину за кровавые преступления, совершенные "органами" по приказу партии.

Год начался смертью Сталина, год завершился сообщением о расстреле Берии. Начиналось новое время. Власть сосредоточилась в руках триумvirата — Маленков-Хрущев-Булганин. Первым среди них считался Маленков. Он взял — при распределении портфелей — пост председателя Совета министров. Долгие годы работавший при Сталине, начавший карьеру в его личном кабинете, Маленков, активно способствовавший созданию сталинской системы, не признавал где находится центр власти. Отдав секретариат ЦК Хрущеву, он практически предопределил свое поражение в борьбе за "шинель" Сталина. Пройдет короткое время и станет очевидным, что власть, как всегда в Советском Союзе, находится в руках партии. Следовательно, в руках ее первого секретаря.

Одна из важнейших вех в советской истории — XX съезд партии. Впервые после смерти Ленина происходила смена верховного руководства. Едва закончились похороны Сталина, едва его имя украсило Мавзолей рядом с именем основателя государства, как стала очевидной глубина кризиса, в котором находилась страна. В январе, 1953 г. орган ЦК КПСС "Коммунист" еще утверждал: "Зерновая проблема, считавшаяся ранее наиболее острой проблемой, решена прочно и окончательно". В первых выступлениях нового председателя Совета министров в марте 1953 г. признавалось, что сельское хозяйство находится на краю катастрофы. Осуществляются первые необходимые реформы: снижаются налоги на приусадебные участки и личный скот, снижаются колхозные налоги, объявляется о необходимости расширения жилищного строительства, об увеличении капиталовложений в легкую промышленность, о "максимальном

удовлетворении материальных и культурных потребностей” народа. Летом 1953 г. Маленков призывает ”в ближайшие 2—3 года добиться создания в нашей стране обилия продовольствия для населения и сырья для легкой промышленности”.

Вопрос о реформах в Советском Союзе всегда был и остается походным от главного вопроса — о власти. Первой реформой было изменение места ”органов” в системе управления. 4 апреля 1953 г. было опубликовано без комментариев сообщение МВД СССР о том, что дело врачей — ”убийц в белых халатах” — было сфабриковано бывшим руководством бывшего министерства госбезопасности и незаконно арестованные ни в чем не виноваты. В 1918 г. ЦК партии принял специальное решение, запрещавшее критиковать ВЧК, поскольку она работала ”в особо тяжелых условиях”. Условия работы ”органов” не менялись и принцип их непогрешимости стал законом: если арестован — значит виноват, наши органы не ошибаются. Сообщение МВД в апреле 1953 г. было первым признанием в ”погрешимости” ГБ. Это был знак изменения ситуации в системе управления: партия забирала себе ту частицу власти, которую захватили себе ”органы” в процессе массовых репрессий.

Реформаторская деятельность нового руководства была видимой частью незаметной для непосвященных борьбы за власть. Никита Хрущев, как и Сталин в первой половине 20-х гг., имеет перед собой две цели: ему необходимо разрушить сталинскую партийную машину; ему необходимо построить собственный, послушный только ему аппарат. Реформы — одна из возможностей замены одних функционеров (сталинских) другими (хрущевскими).

XX съезд был важным этапом на пути Хрущева к осуществлению его целей. Хрущев, избранный первым секретарем в сентябре 1953 г., созывает съезд на полгода раньше, чем полагалось по Уставу. Он — спешит, ему нужно упрочить, легитимизировать свою власть.

Первым законом, предвещавшим будущие события, было предложение Хрущева созвать, в числе других, комис-

сию по расследованию деятельности Сталина и всей его эпохи. Хрущев вспоминает, что старые члены Политбюро — Ворошилов, Молотов, Каганович — не проявили энтузиазма, но те, кто был избран позже поддержали первого секретаря. Комиссию возглавил Петр Поспелов, отлично знакомый с деятельностью Сталина. В 30-е годы он был членом секретариата Сталина, затем — в годы "великой чистки" — заведовал отделом агитации и пропаганды ЦК, в конце сталинской эры руководит институтом Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. В свое время был одним из авторов "Краткого курса" истории ВКП(б). Но именно ему поручили расследовать деятельность Вождя и Учителя. Верный солдат партии, он подготовил доклад, который, как рассказывает Хрущев, удивил даже его, не подозревавшего о размерах репрессий. В данном случае, вряд ли Хрущеву можно верить.

Съезд шел, как и все съезды, по строгому плану. Хрущев вспоминает: " ... Я не был удовлетворен. Я без конца думал о различных фактах, представленных комиссией Поспелова. В конце концов, я решился и во время перерыва одного заседания, очутившись в одной комнате вместе с членами Политбюро, я задал им вопрос: "Товарищи, что мы будем делать с отчетными данными товарища Поспелова?" Разгорелся спор. Противники Хрущева поставили ему три вопроса: 1. Что придется нам говорить о нашей собственной роли в сталинское время? 2. Представляет ли Хрущев последствия разоблачений Сталина? 3. Что заставляет Хрущева действовать таким образом?

Сегодня на эти вопросы можно ответить так: Хрущев обещал не говорить о роли подручных Сталина: он не представлял себе полностью последствий разоблачения Вождя; причин, которые побуждали его выступить было несколько.

Первая — очевидна: разоблачение Сталина было оружием в борьбе за власть; новый секретарь низвергал своего предшественника, обелял таким образом себя, обращался к первоисточнику — Ленину, объявляя себя последним и единственным наследником. Даже если о них не говори-

лось — разоблачение сталинских преступлений снижало авторитет соратников разоблаченного. Важно и другое — свержение с пьедестала Сталина давало возможность упредить неизбежные разоблачения преступлений сталинской эпохи. Рассказав о прошлом с высоты съездовской трибуны можно было выбрать о чем говорить, представить минувшие годы в нужном партии и первому секретарю виде.

Доклад Хрущева не был анализом политики партии, политики строительства социализма. Это была история болезни вождя, случайно, из-за плохого характера (Хрущев прочитал отрывки из "Завещания" Ленина), из-за плохого влияния (Берия) совершившего ошибки. Хрущев подчеркнул, что "плохой характер" Сталина проявился только в самом конце 1934 г., когда генеральный секретарь организовал убийство Кирова (Хрущев привел доказательства), когда он направил острие репрессий против членов партии. В числе важнейших документов, зачитанных первым секретарем ЦК была телеграмма Сталина от 20 января 1939 г. Она гласила: "ЦК ВКП(б) ... считает, что методы физического воздействия в практике НКВД, начиная с 1937 г., были разрешены ЦК ВКП(б) ... ЦК ВКП(б) считает, что методы физического воздействия должны, как исключение, и впредь применяться по отношению к известным и отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае, как допустимый и правильный метод". Значение этого документа очевидно: не Дзержинский, Ягода, Берия или другие возглавители "органов" были инициаторами, организаторами террора — арестов, расстрелов, пыток, но высшая партийная инстанция — ЦК и лично вождь партии.

Хрущев говорил о вине Сталина, поверившего Гитлеру и мешавшего подготовиться к внезапному нападению врага, о вмешательстве Сталина в ход военных операций, что часто приводила к тяжелейшим неудачам и потерям. Хрущев говорил о высылке целых народов — карачаевцев, калмыков, крымских татар, ингушей, чеченцев и других — по ложным обвинениям в сотрудничестве с врагом. "Ук-

раинцы, — добавил первый секретарь, — избежали этой участи только потому, что их было слишком много и не было места, куда их сослать. Иначе он их тоже сослал бы". Наконец, было сказано о "самодурстве" (слово употребленное Хрущевым) Сталина в международных отношениях.

Одновременно, Хрущев настаивал, что Сталин делал все то, что делал с добрыми намерениями: "Он считал, что так нужно поступать в интересах партии, трудящихся масс, во имя защиты революционных завоеваний". Задача, следовательно, заключалась только в уничтожении "последствий культа личности" и продолжения "ленинского пути к новым успехам, новым победам".

Несмотря на отсутствие анализа феномена "культа личности", несмотря на колебания в оценке деятельности Сталина, "тайный доклад" Хрущева был ударом по фундаменту советской системы: был разоблачен бог, низведен на землю и обвинен в "ошибках" генеральный секретарь. Последствиями — прямыми и косвенными — были глубокие трещины, появившиеся в монолите советской империи (польский "октябрь" 1956 г., революция 1956 г. в Венгрии), "разброд и шатание" внутри Советского Союза.

Послесталинское десятилетие — "время Хрущева". Ловко маневрируя, Хрущев убедительно доказывает, что он был лучшим учеником в сталинской школе политической интриги. В феврале 1956 г. Маленков просит "освободить" его от поста председателя Совета министров из-за "неподготовленности". Его пост достается ближайшему союзнику Хрущева Н. А. Булганину.

Восхождение Хрущева к вершине советской пирамиды, завершившееся созданием "культа" его личности, продемонстрировало неизбежность сталинской модели овладения властью. Хрущев заменяет одни "винтики" партийной машины другими, не трогая самой машины. Сталин первым, Хрущев вторым (его преемники после него) продемонстрировали, что овладение властью (замена аппарата "своим") лучше всего осуществляется в процессе "реформ". Сталин завершил свое "неудержимое восхождение" во время "ре-

волюции сверху” 1929—34 гг. Хрущев — в эпоху разоблачения ”культа личности”. Необходимость изменений после смерти Сталина была очевидной. Однако все изменения, все реформы — в экономике, социальной жизни, культуре — имели ”сверхзадачу” — укрепление власти первого секретаря ЦК. В хрущевскую эпоху стало очевидным — это подтвердится в будущие годы: реформаторская деятельность неразрывно связана с проблемой власти; только в период ”восхождения” к власти делаются попытки осуществить реформы.

Названия советских исторических эпох не вызывают, как правило, приятных ассоциаций: военный коммунизм, коллективизация, ежовщина, ждановщина. Есть два исключения — НЭП и ”оттепель”. Слово ”оттепель” в отнесении к политической и общественной жизни России было впервые употреблено Герценом после смерти Николая I. Сто лет спустя И. Эренбург называет свою повесть (1954) ”Оттепель”, выражая надежду на смягчение режима, связанного с именем Сталина.

Первой ласточкой ”оттепели”, еще до появления слова, была статья писателя Владимира Померанцева ”Об искренности в литературе”, появившаяся в ”Новом мире” в декабре 1953 г. — через 9 месяцев после смерти Сталина. Автор свидетельствовал, что ложь стала законом жизни, что необходимо ”обогащение тематики”, т. е. искренний разговор о важнейших проблемах жизни страны. Никита Хрущев очень хорошо видел суть ”оттепели”. Он вспоминает: ”После войны, после смерти Сталина люди, как говорится, сняли замки со своих ртов, и люди получили возможность, не оглядываясь, что их посадят, делать замечания. Возросли потребности, я бы даже сказал, что не потребности возросли, а возросли возможности, говорить о потребностях”. Поскольку в Советском Союзе нет других возможностей (кроме литературы) выражения взглядов, чувств, пожеланий, именно она стала носителем идеи ”оттепели”, идеи открытого (в строго контрольных рамках) разговора о ”потребностях”. Возможность естественного, не руководимого сверху, разговора с властью (о ”потребностях”),

казалась кошуномством, разрушением основ системы. Хрущев признает: "К характеристике этого времени, как оттепель, мы все-таки не совсем положительно относились... С одной стороны, мы действительно допустили послабление, если выражаться грубым политическим языком, и ослабили контроль, и свободнее стал народ высказываться в беседах, и в печати — в газетах, журналах и литературе... С другой стороны, были такие люди, которые не хотели этой оттепели. Они даже упрекали и говорили, вот если бы Сталин был жив, этого он бы не позволил и этого не позволил".

Хрущев позволил задавать вопросы. "Оттепель" — время вопросов и первых ответов. Литература — "Рычаги" А. Яшина", "Не хлебом единым" В. Дудинцева — спрашивает какова структура общества, созданного после Октября, каков механизм советской власти и как он отражается в сознании советского человека. Литература обращается к прошлому. Едва стало возможным спрашивать, выяснилось, что профессиональные историки сознательно и планомерно лгали. На совещании историков (1962) А. Снегов, констатируя, что фальсификация документов, искажение фактов приняло гигантские размеры, предложил установить для историков клятву, подобную присяге врачей: "Чтобы получить диплом доктора медицины, нужно дать присягу или торжественное обещание, что будешь честно работать, а не засорять желудок человека. А может доктор истории тоже должен дать обещание, что он будет честно пользоваться документами, не засоряя мозги людям"*.

Четыре главных загадки привлекают внимание писателей, желающих понять прошлое: революция, подлинная роль Сталина, других руководителей партии; коллективизация — хождение по мукам миллионов крестьян; террор 1937—38 гг., втянувший в чудовищную мясорубку все население страны, и лагеря, о существовании которых все знают и все молчат; война и жесточайшие поражения первых двух

* Четверть века спустя, советские историки, увернувшиеся от присяги, снова каялись, что опять лгали, лгали, лгали...

лет. Появляются книги, в которых ставятся эти и другие вопросы, в которых — с неодинаковой силой и глубиной, даются ответы. Среди книг — повесть Александра Солженицына "Один день Ивана Денисовича", важнейшая веха в истории русской литературы и общественной мысли. Одно из высших достижений русской прозы XX в., повесть Солженицына имела важное политическое значение. Разрешение на ее публикацию было подтверждением палачами существования лагерей и террора. Множество свидетельств жертв, опубликованных за границей, не принимались во внимание. Ждали свидетельства палачей — и оно пришло.

В годы "оттепели", одновременно с реабилитацией, как правило, посмертной, сотен тысяч жертв террора, реабилитируются и возвращаются в литературу великие писатели Андрей Платонов и Михаил Булгаков. Понадобится еще четверть века, чтобы можно было начать говорить о публикации всех их произведений. Впервые рождаются внецензурные формы выражения чувств и мыслей. Булат Окуджава, за ним Александр Галич, Владимир Высоцкий приобретают широчайшую популярность без помощи (несмотря на препятствия) государственных средств коммуникации. "Есть магнитофон системы "Яуза", — поет Галич, — и этого достаточно". Появляется "самиздат". Все то, что отвергает цензура, строго ограничивающая рамки "оттепели", уходит в "самиздат": рассказы, повести, романы, переписанные вручную расходятся по стране. "Эрика" берет четыре копии, — продолжает Галич, — вот и все. И этого достаточно". В "самиздате" становятся известными романы Солженицына, "Колымские рассказы" Варлама Шаламова.

"Время Хрущева", озаглавленное оживлением духовной жизни, было эпохой активной реформаторской деятельности. Можно бы говорить о времени "великих реформ", если бы подавляющее их большинство не оказалось очень скоро иллюзией, пустыми разговорами. Первые немедленные изменения (после смерти Сталина) были произведены в деревне: облегчается невыносимое давление на колхозников, снижается норма обязательных поставок, отменяется

практика посевов по приказу "сверху" (районы, но все еще не колхозы и колхозники) решают, что и когда сеять. Очевидность несостоятельности колхозной системы вызывала мало сомнений. Принимается решение о "реформе", обходящей проблему: колхозы укрупняются, сливаются, превращаются в совхозы. Цель — превращение колхозников в наемных сельскохозяйственных рабочих. Попытками обхода проблемы советского сельского хозяйства были освоение целины и "кукурузизация" страны.

Принимаются меры по улучшению положения в промышленности. Хрущев безжалостно критикует работу Госплана, сравнивает его сотрудников с цирковыми фокусниками, жонглирующими цифрами, которые по словам первого секретаря, "берутся с потолка, без знания дела, без глубокого анализа".

Как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, реформы сводятся к "перестройке управления", к попыткам изменить методы руководства, не меняя экономической модели. Хрущев стремится сломать сложившиеся структуры руководства из центра. Он переводит некоторые министерства из Москвы в провинцию, ближе к "руководимым". Хрущев добивается принятия решения о создании на местах советов народного хозяйства (совнархозов), которым вменяется в обязанность руководство экономической регионов, забота о развитии местных ресурсов, местной промышленности. Совнархозы должны были помочь первому секретарю в борьбе с чрезмерной централизацией. Видя в старом аппарате своего главного противника, Хрущев добивается принятия главной реформы. В конце 1962 г. пленум ЦК решает разделить партию на аграрную и промышленную. Впервые в советской истории была сделана попытка посягнуть на фундамент системы — единство партии. Не желая того, имея в виду лишь конкретную цель — разрушение враждебного ему аппарата, Хрущев провел реформу, которая могла бы привести к возникновению двух партий. Только раз, в 1926 г., была открыто выдвинута идея создания двух партий. Рабочий, коммунист с 1918 г., Яков Оссовский в 1926 г. опубликовал в "Прав-

де” (в дискуссионном листке) свое предложение: ”Придерживаясь принципа абсолютного единства и единственности нашей партии, — писал он, — в организациях и партийной печати не допускается свободный обмен мнениями, несмотря на то, что в самой партии, в связи с разнообразием экономики, различие мнений фактически существует”. Я. Осовский был исключен из партии. Его осудили даже оппозиционеры.

Реформенная деятельность Хрущева распространяется на все стороны советской жизни. Отменяется антирабочий закон 1940 г., прикреплявший к производству и сурово наказывавший за опоздания и прогулы; устанавливается минимум заработной платы; вводится новая система пенсионного обеспечения. В июле 1964 г. впервые вводится государственная пенсия для колхозников. Выделяются значительные ассигнования на жилищное строительство. Принимается решение ”покончить в стране с недостатком в жилищах” за 10—12 лет, т. е. к концу 60-х гг. План, как и большинство других, был фантастическим, тем не менее за десять ”хрущевских” лет городской жилищный фонд страны удвоился. И хотя ”хрущобы”, как стали называть дома, построенные в ускоренном порядке, быстро приходили в плачевное состояние, тысячи семей улучшили свое положение. Хрущев добивается принятия школьной реформы под девизом: школа ближе к жизни. Непродуманная и неподготовленная реформа школы немедленно забывается после падения Хрущева.

В день смерти Сталина советская лагерная империя, ”архипелаг ГУЛАг”, насчитывала, по самым осторожным подсчетам, от 8 до 9 миллионов обитателей, ”зэков”. Провозглашенная в марте 1953 г. амнистия коснулась только осужденных за уголовные преступления. Восстания в лагерях, вспыхнувшие весной-летом 1954 г. на многочисленных ”островах” архипелага ГУЛАг — в Коми, Сибири, на Урале, в Казахстане, Средней Азии, заставили сталинских наследников задуматься о будущем лагерной империи. После XX съезда начинается массовое освобождение заключенных. Создаются специальные комиссии по реабилитации, имею-

щие право немедленного освобождения заключенных на месте, в лагере. Хрущев войдет в историю, как человек, освободивший миллионы заключенных. Реабилитируются "павшие жертвой необоснованных репрессий", как гласит формула, военные, деятели культуры, партийные деятели. Реабилитация останавливается на пороге московских процессов 1936—38 гг. Разговоры о реабилитации Н. Бухарина и некоторых других соратников Ленина остаются разговорами. Оживленная дискуссия о судебной реформе, в ходе которой высказываются пожелания о необходимости присутствия адвоката с момента ареста подозреваемого, завершается принятием нового уголовного кодекса, сохранившего в неприкосновенности прежнюю юридическую систему.

"Время Хрущева" обрывается в октябре 1964 г. Впервые в советской истории удастся дворцовый переворот — первый секретарь ЦК теряет свой пост. Хрущев сам предопределил свое падение: разоблачение "культы личности", развенчание "божественной сути" генерального секретаря продемонстрировали возможность заговора; пощадив противников, которые в июне 1957 г., голосовали на заседании Политбюро против первого секретаря, Хрущев показал, что неудача заговора не грозит смертью. Наконец, использование в 1957 г. Хрущевым пленума ЦК против Политбюро подсказала заговорщикам, возглавляемым членом Политбюро Сусловым, тактику свержения первого секретаря.

Комплекс разнообразных причин вызвал недовольство политикой Хрущева. Первого секретаря упрекали — после того, как он был лишен своего поста, во множестве грехов, как внутривластных, так и внешнеполитических. Хрущева обвиняли в ссоре с Китаем и установке ракет на Кубе, а затем их удалении под нажимом США; обвиняли в сельскохозяйственных неудачах и чрезмерном увлечении реформами. Советские историки наклеили на "время Хрущева" ярлык "волюнтаризма". Обвинения, адресованные первому секретарю ЦК, были справедливыми. К ним можно добавить еще множество других. Но Хрущев был "волюнта-

ристом” лишь в той мере, в какой им был Сталин, в какой ими будут преемники Хрущева. В стране, в которой власть принадлежит одной партии, воплощающей, как ею же сказано, ум, честь, совесть и т. д. эпохи, естественно, что вождь этой партии воплощает в превосходной степени эти качества. Поражение Хрущева объясняется не тем, что он был ”волютаристом”, а тем, что он был им недостаточно. Первый секретарь просчитался, переоценил свои силы, сочтя, что он уже обладает всей полнотой власти.

4. ВРЕМЯ БРЕЖНЕВА

Л. И. Брежнев, второй секретарь при Хрущеве, был избран на место свергнутого первого секретаря. Повторяется — в деталях — ситуация после смерти Сталина: разоблачается "волюнтаризм" предшественника; объявляется, что предшественник сосредоточил в своих руках слишком много власти и принимается решение не совмещать посты первого секретаря и председателя Совета министров (как делали Сталин и Хрущев); провозглашается возвращение к "коллективному руководству" и "ленинскому стилю работы"; вина за тяжелое положение в различных областях советской жизни, за "нерешенные проблемы" возлагается на свергнутого первого секретаря.

Началом новой эры объявляются "Октябрьский (1964) пленум", на котором к власти пришло новое руководство, и "Майский (1965) пленум", на котором Брежнев изложил программу решения всех проблем и преодоления всех трудностей.

Председатель Совета министров А. Косыгин выступил

инициатором реформы народного хозяйства. Начата она была в 1962 г., еще во времена Хрущева. Основная идея была изложена в статье Е. Либермана "План, прибыль, премия", опубликованной в "Правде 9 сентября 1962 г. Харьковский экономист Е. Либерман предложил сделать критерием деятельности предприятия не вал, а прибыль, учитывать спрос и предложение, использовать материальные стимулы для повышения производительности труда. В этих предложениях не было ничего нового. План подобных реформ был разработан польскими экономистами в 1956 г. Как в Польше, так и в Советском Союзе попытки ввести элементы рыночной экономики в "социалистическую модель" наталкивались на сопротивление политической структуры. План "косыгинской реформы", принятый пленумом в сентябре 1965 г. и утвержденный XXIII съездом в марте 1986 г., практически остался на бумаге. Реформа была обречена на провал, ибо пыталась совместить расширение прав предприятий и усиленную централизацию (все хрущевские меры по децентрализации министерств были отменены).

Суд над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем в феврале 1966 г. был сигналом к "закрытию" послесталинской "оттепели". Брожение, начавшееся в стране после смерти Сталина, начинало выходить за рамки дозволенного. Владимир Буковский вспоминает ("И возвращается ветер..."): "Все пятидесятые и шестидесятые годы, словно грибы вырастали организации, союзы, группы и даже партии самых различных оттенков". Часть из них конспирировалась, часть пыталась действовать открыто. Суд над Синявским и Даниэлем, первый показательный процесс послесталинского времени, выражал решимость нового руководства покончить с "разбродом и шатанием", с надеждами хрущевского времени. Жестокий приговор — 7 и 5 лет лагеря за публикацию литературных произведений на Западе — подчеркивал желание восстановить "порядок".

Интервенция в Чехословакии в августе 1968 г. иллюстрировала волю руководства навести порядок не только внутри

Советского Союза, но и во всей зоне социалистического лагеря. Чехословацкий кризис был результатом попытки осуществить некоторые реформы в стране для ликвидации экономического и политического кризиса. Свержение Хрущева и приход к власти Брежнева отразились в Чехословакии сменой на посту первого секретаря ЦК: в январе 1968 г. Антонин Новотный был заменен Александром Дубчеком. Так уже было в 1956 г., когда борьба на верхах в Москве отозвалась волнениями в Польше, революцией в Венгрии.

С января по август 1966 г. Дубчек и его сторонники пытаются улучшить систему, реформировать те детали, которые, как представляется руководителям компартии Чехословакии, мешают проявиться "человеческому лицу" социализма.

Н. Хрущев отлично выразил чувства руководителя коммунистической партии, вынужденного согласиться на некоторые реформы: "... Шли на оттепель в руководстве, и шли сознательно, и сознательно побаивались этой оттепели, потому что как бы из этой оттепели не наступило половодье... Боялись тогда, что руководство не сможет справиться со своими функциями и направлять по советскому руслу...". В каждой из социалистических стран, переживавших кризис и время реформ, критическая точка достигалась в разных пунктах. В Венгрии такая "точка", по мнению Хрущева, была достигнута когда были образованы рабочие советы и разрешены некоммунистические партии. Для самого Хрущева, его реформаторская деятельность обернулась свержением, когда он решил разделить партию. В Чехословакии предел терпимости "братских" стран был достигнут после отмены цензуры. В июле 1968 г. Гомулка, настаивая на прекращении чехословацкого "эксперимента", пугал: "Отмена цензуры означает, что партийное руководство отказалось оказывать малейшее влияние на жизнь страны".

В ночь на 21 августа началась самая большая военная операция в Европе после окончания второй мировой войны. Армии стран Варшавского договора — 650 тыс. человек —

оккупировали Чехословакию. Операция прошла тем успешнее, что Дубчек давно уже объявил, что чехословацкая армия сопротивления не окажет. 15 сентября "Правда" объяснила: "упреждающий удар" был "интернациональным долгом", обязывающим защищать социализм всегда и всюду. Формулируется основной принцип отношений в социалистическом лагере: "Социалистическое государство, находящееся в системе других государств, составляющих социалистическое содружество, не может быть свободным от общих интересов этого сотрудничества". Или иначе: страна, в которой власть принадлежит коммунистической партии, навечно останется коммунистической. В случае опасности для партии со стороны собственного народа, на помощь придут "другие государства, составляющие социалистическое содружество". Этот принцип назовут на Западе "доктриной Брежнева", забыв о том, что "пролетарский интернационализм" был основой советской внешней политики с первых дней существования советского государства. Под этим лозунгом Ленин направил Красную армию в Польшу в 1920 г., установил советскую власть в Закавказье в 1920—21 гг...

В ответ на упреки в незаконности оккупации Чехословакии, "Правда" (26.9.1986) писала: "В классовом обществе нет и не может быть надклассового права. Законы и нормы права подчинены законам классовой борьбы, законам общественного развития..."

Утвердившись на посту генерального секретаря (Брежнев возвращается к ленинско-сталинскому наименованию высшей инстанции), Брежнев прочно стабилизирует систему, быстро приходящую в себя после тревог и сомнений после-сталинской эпохи. Время застоя и явного экономического регресса, было одновременно временем успокоенности, уверенности, что все будет оставаться без изменений. Советская система достигает в брежневские годы "крейсерской скорости": террор, умело руководимый Ю. Андроповым, 15 лет возглавлявшим КГБ, носит не универсальный, но выборочный характер; всеобщая коррупция (с ведома властей) становится инструментом перераспределения дохо-

дов; в условиях народнохозяйственного застоя функционирует экономика контролируемой нищеты.

Время Брежнева, эпоха застоя и регресса внутри страны было периодом бурной внешней экспансии. Используя политику "разрядки", используя слабость США, вызванную вьетнамской войной и Уотергейтом, Советский Союз способствует победе коммунистических партий в разных странах Африки, Азии, Латинской Америки. В эти годы создается "вторая советская империя".

В 1979 г., секретарь ЦК Б. Пономарев, перечислив успехи: Вьетнам, Лаос, Кампучия, Ангола, Мозамбик, Гвинея—Бисау, Эфиопия, Никарагуа, Южный Йемен, констатировал: "Идет неумолимый процесс смены отживших режимов, прогрессивными, все чаще с социалистической ориентацией". В условиях застойной экономики государство бросает все силы и средства на оснащение вооруженных сил новейшей техникой. Строится могучий флот. Техническая отсталость преодолевается особым способом. Создается сверхмощный аппарат, руководимый Военно-промышленным комитетом, для приобретения всеми путями новейшей техники и технологии за границей: она покупается, копируется, похищается.

Секретарь ЦК Е. Лигачев, подводя итоги "60-х—70-х гг. ("Правда", 27.8.87), признает, что имелись недостатки: "Разрастались отрицательные явления, темпы развития экстенсивной экономики замедлились, получили распространение злоупотребления властью, падала дисциплина, снижался международный авторитет СССР". И говорит одновременно о "внушительных" успехах: "Национальный доход увеличился в 4 раза. Жизнь людей стала богаче материально и духовно. Достигнут военно-стратегический паритет между СССР и США".

В декабре 1979 г. советская армия вступила в Афганистан. Впервые после второй мировой войны Советский Союз приступил к территориальному расширению своей зоны. Война в Афганистане, названная "выполнением интернационального долга", была представлена как применение "доктрины Брежнева", как повторение операции "Праж-

ская весна". Неожиданное сопротивление афганского народа смешало карты советских руководителей. Вторжение в Афганистан — обернувшееся многолетней войной, которой не видно конца, стоившее десятков тысяч жертв обеим сторонам, выгнавшее из страны миллионы афганцев — эпилог "времени Брежнева".

5. МЕЖДУЦАРСТВИЕ

В конце 70-х гг. возникает проблема, генетически запрограммированная в советской системе. Поскольку власть в стране принадлежит одной партии, нет никаких оснований для генерального секретаря покидать свой пост до смерти. В принципе могут сохранять свои посты и все те, кого он выбрал себе в помощники. В ноябре 1982 г. умирает, в возрасте 76 лет, долго болевший Брежнев. На пост генерального секретаря был избран Ю. Андропов (р. 1914).

Избрание Андропова пробудило надежды. Они были связаны с тем, что новый генеральный секретарь выглядел моложе и здоровее Брежнева; с тем, что Андропов, многолетний руководитель КГБ хорошо знает истинное положение страны и населения; с тем, что стало невозможным дышать в застойной атмосфере "брежневского времени". Все ждали перемен. Парадоксальным образом выбор Андропова был радостно встречен на Западе, где умело распространенные слухи о бывшем председателе КГБ, любителе виски и знатоке английского языка, были восприняты как свидетельство изменения советской системы.

Первые шаги Андропова, включившего механизм страха в надежде вынудить советского человека работать лучше на благо социализма, носили традиционный характер. Была принята Продовольственная программа (май 1982), обещавшая "обеспечить устойчивое снабжение населения всеми видами продовольствия" к 1990 г.; утвержден закон о государственной границе СССР, напоминавший советским людям знаменитую сталинскую формулу — "граница на замке" (ноябрь 1982); закон о "Трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями и организациями" (июнь 1983) был своеобразным ответом на рождение в Польше "Солидарности". Закон о трудовых коллективах говорил о необходимости "социалистического самоуправления", но практически ничего не менял, оставляя всю власть на производстве в руках "треугольника", в котором — перефразируя Орвелла — все углы были равны, но партийный (партком) значительно равнее других.

Короткое правление Андропова отмечено гибелью корейского пассажирского авиалайнера, сбитого советским истребителем над Японским морем. Погибло 269 человек. Трагедия пассажирского самолета продемонстрировала многие качества советской системы: чудовищный, иррациональный страх перед "нарушением границы", предельную централизованность — приказ о действиях против корейского лайнера пришел из Москвы; бесчеловечность: даже если пассажирский самолет сошел с курса, нарушил границу, приказ о его уничтожении был дан в мирное время.

9 февраля 1984 г. Ю. Андропов после длительной болезни умер. Его преемником стал К. Черненко (р. 1911). Из возможных кандидатов был избран самый старый, сделавший всю свою карьеру в тени Брежнева. Новый генеральный секретарь, при первом же проявлении в телевидении, произвел впечатление человека очень старого, главное — очень больного. Избрание Черненко было последним барьером, который попыталась воздвигнуть когорта старцев в Политбюро, ограждая свои места.

Короткое правление Черненко ознаменовано интенсивной законодательной деятельностью. В апреле (1984) было принято постановление "Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы", в ноябре ЦК КПСС утвердил Программу мелиорации земель, которая должна была — в который раз! — окончательно разрешить проблемы советского сельского хозяйства. В программу входили работы по изменению течения рек с севера на юг. 10 марта 1985 г. после длительной болезни К. Черненко умер.

6. ВРЕМЯ ГОРБАЧЕВА

11 марта 1985 г. М. Горбачев был избран генеральным секретарем ЦК. Его молодость (р. 1931) казалась необычной, но это впечатление рожденное дряхлостью непосредственных предшественников — Сталину в момент избрания генсеком было 43 года, Хрущеву — 58, Брежневу — 57 лет. Бурная деятельность Горбачева выглядит особенно бурной на фоне предшествующего застоя.

Начинается новая эпоха: после Октября (1917) пришел Апрель (1985). В первых же выступлениях новый генеральный секретарь констатировал катастрофическое положение страны. Он признавал, что "возможности социализма" не были использованы в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении, организации железнодорожного транспорта, жилищном строительстве, обеспечении населения продовольствием. И настаивал, одновременно, что, несмотря на все помехи, социализм развивался и развивается.

Этот поразительный парадокс — похвала успехам и признание кризиса, результата успехов — наблюдается уже не

первый раз. В 1953 г. наследники Сталина обнаружили катастрофическое положение страны, несмотря на все "успехи", о которых не переставали говорить при жизни Вождя. В 1964 г. кризис объявили результатом "волюнтаризма" предшествовавшего первого секретаря, имя которого перестало упоминаться. Сегодня вина за катастрофу — экономическую, социальную, культурную — возлагают на Брежнева, правившего страной 18 лет.

Деятельность Горбачева принадлежит еще сегодняшнему дню. Реальных ее результатов пока нет.

Характерная черта "горбачевского времени" — массивное использование средств массовой коммуникации для создания представления о движении, деятельности, переменах. Большой эффект вызвали меры по ограничению продажи алкоголя. Но это прежде всего видимость перемен, ибо алкоголизм не сократился, но ушел вглубь. Не случайно ключевым словом "горбачевского времени" выбрано слово — гласность. Голос, разговор, слово, как, может быть, никогда раньше служат инструментом политики. Выбор этого инструмента объясняет особую роль творческой интеллигенции в пропаганде идей "перестройки" — второго слова-ключа. Разрешение на публикацию ряда запрещенных ранее книг опальных по разным причинам писателей, на выпуск десятилетиями лежавших на полке фильмов позволило влить в советскую культуру немного живой крови, без которой она вела жалкое существование. Когда прозвучало слово-разрешение "гласность" оказалось, что у корифеев советской литературы нет книг, которых бы им не издавали. Новой кровью были умершие писатели и поэты, либо авторы книг, написанных два десятилетия назад.

Законы, нацеленные на изменение положения в народном хозяйстве, еще не оказали никакого воздействия, если не считать растерянности и неразберихи, вызванных поспешностью внедрения новых постановлений.

Наиболее эффектные и реальные результаты достигнуты Горбачевым во внешней политике. Многочисленные советские предложения по ядерному разоружению, совпавшие с неперменным желанием американского президента под-

писать с Москвой договор, открыли новый период "разрядки". Горбачеву удалось добиться того, чего не сумели сделать Андропов и Черненко — удаления американских ракет "Першинг" из Западной Европы.

Деятельность Горбачева продолжает традицию перемен, наступавших после каждой смены на посту генерального секретаря. Он разрушает партийную машину, созданную предшественником, и строит свою. Снова процесс овладения властью генеральным секретарем идет под лозунгом исправления ошибок, совершенных до него. Логика поведения генеральных секретарей безупречна: для того, чтобы произвести изменения, улучшить социализм, генсек должен обладать тотальной властью. Только в процессе изменений, перемен можно разрушить старый аппарат и обрести тотальную власть. Все перемены должны "улучшать" систему, но ни в коем случае ее не ломать. Как любит повторять Горбачев "нам нужно больше социализма".

Сегодня в Советском Союзе сопротивление переменам оказывают не мифические "ястребы" в Политбюро, "оппозиционеры" в аппарате. Главный противник перемен — советский человек. Катастрофа "зрелого", "развитого" социализма — это обратная сторона его успехов в деле формирования советского человека. В результате процесса строительства социализма, отмеченного страшными вехами "красного террора", коллективизации, поспешной индустриализации, "ежовщины" и т. д. и т. д., сложился человек, потерявший интерес к труду, в страхе ожидающий, что завтра может быть только хуже. Этого человека Горбачев хочет включить в "перестройку", чтобы социализм пошел еще дальше.

Призывы к "гласности" подменяют требование свободной дискуссии о подлинных причинах катастрофы. Даже наиболее отважные критики "времени Брежнева" говорят о том, что кризисные явления появились лишь "в последние десятилетия", о необходимости улучшения всего лишь "системы управления производством".

Будущее покажет, что дала "перестройка". Пока же стоит вспомнить, что писал замечательный русский историк

Василий Ключевский о реформе Петра: "Она была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам и по впечатлению, какое произвела на умы и нервы современников. Это было скорее потрясение, чем переворот... Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозою власти вызвать самостоятельность в поработанном обществе... Он хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно".

Париж, октябрь, 1987

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	5
1. Время Ленина	9
2. Время Сталина	40
3. Время Хрущева	69
4. Время Брежнева	82
5. Междоцарствие	88
6. Время Горбачева	91